ПРАВОСЛАВНАЯ ВЕЧЕРНЯ

(ИСТОРИКО-ЛИТУРГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

История не сохранила до нашего времени литературных свидетельств о существовании в раннем христианстве вечернего богослужения, которое имело бы значение нарочитого молитвенного освящения христианами вечернего времени, вне связи с евхаристией или с агапой. Возможно, что такого отдельного от евхаристии и вечери любви общественного богослужения не существовало. Но, с другой стороны, было бы неправильным отрицать существование в раннем христианстве самой идеи молитвенного освящения вечера и выражение ее хотя бы в самых простейших литургических формах, доступных для общей молитвы членов тех „домашних" церквей, о которых говорит ап. Павел (Римл. 16, 4).

Апостолы происходили из иудеев, и свою проповедь о Христе распространяли в первую очередь среди своих благочестивых соплеменников. Это обстоятельство обусловливало существование некоторых связей между Новозаветной церковью и центром религиозной жизни иудейства — ветхозаветным храмом. Наличие этой связи отмечает Дееписатель, когда говорит, что первые христиане „каждый день единодушно пребывали в храме" (Деян. 2, 46) и что „Петр и Иоанн шли вместе в храм в час молитвы девятый" (Деян. 3, 1). Предание сохранило сведения о том, что первому епископу Иерусалимской христианской общины, ап. Иакову не возбранялось входить даже во „Святая", и его обычно видели в храме стоящим на коленях и молящимся[1]. Эта связь первых христиан с Иерусалимским храмом прекратилась только в связи с рассеянием их из Иерусалима после мученической кончины первого диакона св. Стефана (Деян. 8, 1). Но и после этого слово благовестия о Христе неслось в первую очередь к иудеям рассеяния, так что до средины II века основной контингент членов Церкви составляла диаспора.

Обращаясь к религиозной жизни ветхозаветного иудейства, мы видим, что еще книга Исход предписывала евреям совершение в скинии нарочитого вечернего богослужения: „И когда Аарон зажигает лампады вечером, он будет курить им. Это всегдашнее курение пред Господом в роды ваши" (30, 8). Книга же Левит указывает, в чем заключалась обрядовая сторона этого богослужения: „И сказал Господь Моисею, говоря: Прикажи сынам израилевым, чтобы они принесли тебе елея чистого, выбитого, для освещения, чтобы непрестанно горел светильник. Вне завесы ковчега откровения и скинии собрания Аарон и сыны его должны ставить оный пред Господом от вечера до утра всегда. Это вечное постановление в роды ваши На подсвечнике чистом должны они ставить светильник пред Господом всегда" (24, 1—4). В центре этого богослужения находился обряд возжения и поставления „вне завесы ковчега откровения и скинии собрания" светильника, перед которым Аарон воскурял фимиам и который затем горел „пред Господом от вечера до утра".

Обряд вечернего возжигания светильника у иудеев считался настолько священным, что он не был забыт после разрушения Иерусалимского храма, и талмуд предписывает, зажигая вечером светильники, воздавать славословие Богу[2].

---

[1] Евсевий, Церковная история, кн. II, гл. 23.

[2] Талмуд, Мишна и Тосефта, русск. пер. Н. Переферковича, т. I, СПб., 1902, стр. 30.

Не могли отказаться от этого благочестивого обычая и те из евреев, которые перешли в христианство, так как само христианство не выдвигало взамен его нового установления, подобно тому, как оно выдвинуло против обрезания крещение и против кровавого жертвоприношения бескровную евхаристическую жертву. Напротив, в апостольской проповеди о Христе нашелся такой мотив, который давал основание христианам из иудеев к удержанию этой священной традиции предков, но в новом ее идейном освещении. Сам Христос Спаситель назвал Себя Светом миру (Иоан. 8, 12). Тихий свет вечернего светильника напоминал им о Том, о Ком евангелист писал: „Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир" (Иоан. 1, 9). Горящий в молитвенном собрании светильник живо напоминал присутствующим на нем о духовном пребывании с ними Христа, обещавшего быть там, где двое или трое собраны во имя Его (Мф. 18, 20). Так ветхозаветный обряд получил новое чисто христианское идейное значение.

Последнее оказалось настолько близким верующему сердцу христиан, что обряд вечернего возжения светильника вошел в их быт и пережил самую диаспору. Св. Григорий Нисский, сообщая о блаженной кончине св. Макрины, пишет, что когда наступил вечер и в комнату внесли огонь, то она широко раскрыла глаза и, смотря на свет, как видно было, старалась прочесть светильничное благодарение (τὴν ἐπιλυχνίαν εὐχαριστίαν), но так как голос у нее уже пропал, то она выполнила молитву лишь в уме, да движением руки и губ. Когда она кончила благодарение и занесла руку на лицо, чтобы перекреститься, вдруг сильно и глубоко вздохнула. Вместе с молитвой кончилась и ее жизнь[3]. Этот рассказ св. Григория о последних минутах жизни св. Макрины показывает, как прочно вошел в быт христиан его времени и каким священным для них являлся обычай светильничного благодарения. Умирающая женщина — христианка при виде внесенного в ее комнату светильника напрягает последние силы, чтобы прочесть молитву светильничного благодарения. Эта молитва оттягивает ее последний вздох, который наступает вместе с окончанием светильничного благодарения.

Войдя в быт личной жизни христиан и в обиход „домашних" церквей, традиция вечернего светильничного благодарения не могла оставаться неизвестной их общественному богослужению. Тертуллиан, описывая христианскую вечерю, говорит: „После омовения рук и зажжения светильников каждый вызывается на средину петь Богу, что может из Священного Писания или от собственного сердца"[4].

Вечернее молитвенное собрание, как описывает его Тертуллиан, носит характер той широкой литургической импровизации, которая известна из описания евхаристии св. муч. Иустином Философом[5]. Возжение светильника еще не оформлено никаким обрядом, кроме последующего пения участниками собрания чего-либо во славу Божию; при этом каждому участнику предоставлялся выбор священного текста для этого славословия и даже допускался собственный экспромт.

Известная в науке первая литургическая, в собственном смысле этого слова, запись обряда внесения светильника в молитвенное собрание изложена в памятнике христианской письменности III века — Египетских Церковных Постановлениях. Здесь читаем: „Когда наступит вечер, диакон вносит светильник. Епископ приветствует собрание: „Господь со всеми вами". Народ отвечает: „И со духом твоим". Епископ: „Возблагодарим Господа". Народ: „Достойно и праведно — величие и слава Ему..." Епископ: „Мы благодарим Тебя, Боже, через Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа за то, что Ты просветил нас откровением невещественного

---

[3] De vita s. Macrinae. Migne, P. Gr., t. 46, col. 985.
[4] Апология, кн. I, гл. 39.
[5] Апология, кн. I, гл. 65—67.

Света. Кончив долготу дня и достигнув начала ночи, насытившись дневным светом, сотворенным Тобой для нашего довольства, мы теперь не имеем недостатка и в вечернем свете по Твоей милости, – святим и славим Тебя чрез единого Твоего Сына, Господа нашего Иисуса Христа, чрез Него Тебе с Ним слава, сила и честь ныне...“ Народ: „Аминь“[6].

Подобный обряд упоминается также в „Завещании Господа нашего Иисуса Христа“, в связи с изложением вечернего богослужения, совершаемого на пасхальную ночь: „Приносится в храм светильник диаконом, который говорит: „Благодать Господа нашего со всеми вами“. И весь народ отвечает: „И со духом твоим“. Дети произносят духовные псалмы и песни, относящиеся к светильнику (cantica ad accensionem lucernae). Весь народ, поя согласно, отвечает: „Аллилуиа“[7]. Если окончательная обработка этого памятника в Сирийской Церкви относится к V веку[8], то приведенное из него место сохраняет, как и многие литургические записи этого памятника, печать значительно более раннего времени, и потому может быть использовано при рассмотрении истории древнехристианского обряда возжения светильника.

По обоим памятникам светильник вносил в молитвенное собрание диакон. Это, очевидно, был общецерковный обычай. По Египетским Церковным Постановлениям при внесении диаконом светильника епископ приветствовал присутствующих — „Господь со всеми вами“. По Завещанию же такое приветствие произносил сам несущий светильник диакон, который говорил: „Благодать Господа нашего со всеми вами“. В том и другом случае духовному взору присутствующих предносился Христос Спаситель, неоднократно являвшийся апостолам по воскресении Своем, когда двери горницы их были закрыты, и приветствовавший их словами: „Мир вам“ (Лк. 24, 36; Иоан. 20, 19 и 26). Народ отвечал на приветствие епископа или диакона общепринятым тогда в церкви: „И со духом твоим“. По Египетским церковным постановлениям епископ призывал народ к прославлению Того, Кто невидимо вошел в собрание вместе с внесенным светильником: „Возблагодарим Господа“, в ответ на что народ пел: „Достойно и праведно— величие и слава Ему“. Затем епископ читал молитву. Завещание не приводит ни одного конкретного славословия, но отмечает, что исполнявшиеся псалмы и песни относились к светильнику. Возможно, что среди них был и современный вечерний гимн „Свете тихий...“, о котором уже св. Василий Великий говорил, как о древнем. „Отцам нашим, — писал он, — заблагорассудилось не в молчании принимать благодать вечернего света, но при явлении его тотчас благодарить. И хотя мы не можем сказать, какой отец был творцом этих речений светильничного благодарения, народ во всяком случае возглашает древнюю песнь... — Хвалим Отца, Сына и Святаго Духа“[9].

В науке уже отмечалось тождество мысли и сходство выражений этого гимна с приведенной выше молитвой из Египетских церковных постановлений[10]. И молитва эта и гимн возносят хвалу Богу Отцу через Его Сына Иисуса Христа, Которого молитва называет „Невещественным Светом“, а гимн — „Тихим Светом святой славы бессмертного Отца Небесного“. Слова молитвы „Кончив долготу дня и достигнув начала ночи, насытившись дневным светом, сотворенным Тобой для нашего довольства, мы теперь не имеем недостатка и в вечернем свете по Твоей милости — святим и славим Тебя чрез единого Твоего Сына, Господа нашего Иисуса Христа“—

---

[6] Horner, The Statutes of the Apostles or Canones Ecclesiastic. London, 1904, p. 159—161.

[7] Кн. II, гл. 11. Латинский текст — I. Rahmani, Testamentum Domini nostri Jesu Christi. Moguntiae, 1899.

[8] Berthold Altaner, Patrologie. Freiburg, 1958, S. 51.

[9] Περὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος κεφ. Migne, P. Gr., t. 32, col. 205.

[10] Проф. И. А. Карабинов, Евхаристическая молитва (анафора). СПб., 1908, стр. 16.

получили лаконичное и поэтическое, как требует того гимн, выражение: „Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, Сына и Святаго Духа Бога“.

Итак III век был временем, когда возникшая в христианском быту на основе ветхозаветных богослужебных установлений традиция вечернего светильничного благодарения получила значение церковного обряда, литургическое оформление которого было идейно связано с прославлением невидимо сопребывающего на христианских молитвенных собраниях Сына Божия — Иисуса Христа.

*
* *

От конца IV века сохранилось два описания вечернего богослужения. Первое из них, сделанное в плане литургической записи, находится в VIII книге Постановлений Апостольских и относится к 380-м годам[11]. Она не содержит полного чинопоследования. Автор этой записи не имел в виду излагать порядок всего чинопоследования от начала до его конца. На основании его слов: „Когда настанет вечер, ты, епископ, собери церковь, и после того, как скажут светильный псалом, диакон пусть возгласит об оглашенных и обуреваемых и просвещаемых и кающихся, как прежде сказали мы. А по отпусте их диакон пусть скажет: „Елицы вернии, Господу помолимся...“[12], можно полагать, что он хотел только напомнить указанный им в свое время порядок отпуста оглашенных и зафиксировать вечерние молитвы о верных, как отличавшиеся от таких же молитв, читаемых о них на литургии, при этом автор указывает читать одну молитву о верных из литургийных, а затем произносить собственно вечерние молитвы о них.

В целом конец вечерни представлял собой весьма пространное моление. Диакон приглашал присутствующих (верных) преклонить колена и вознести молитву к Богу: „Помолимся Богу Христом Его, вси согласно Богу Христом Его помолимся“. Затем он произносил самые моления: „О мире и благостоянии мира и святых церквей помолимся, яко да даст нам Бог всяческих непрестаемый и неотъемлемый мир Свой, да в полноте яже по благочестию добродетели продолжающия ны соблюдет. О святей соборней и апостольстей Церкви, яже от конец до конец, помолимся, яко до сохранит ю Господь непоколебиму и неволнуему и соблюдет до скончания века основану на камени. И о зде сущей святей области помолимся, яко да сподобит нас Господь всяческих неослабно преследовати пренебесное Его упование и непрестаемый воздавати Ему долг моления. О всяком епископстве еже под небесем, правоправящих слово Твоея истины, помолимся, и о епископе нашем Иакове и областех его помолимся, о епископе нашем Клименте и областех его помолимся, о епископе нашем Еводии и областех его помолимся, яко да дарует их щедрот Бог святым своим Церквам здравы, честны, долгоденствующия, и подаст им честную старость во благочестии и правде. И о пресвитерех наших помолимся, яко да свободит их Господь от всякаго безместнаго и лукаваго дела и подаст им пресвитерство здраво и честно. О всем во Христе диаконстве и служении помолимся, яко да подаст им Господь служение непорочное. О чтецех, певцех, девственницех, вдовицех же и сирых помолимся, о иже в супружествах и чадородиих помолимся, яко да помилует всех их Господь. О евнухах, преподобно ходящих, помолимся. О иже в воздержании и благоговении помолимся. О плодоносящих во святей Церкви и творящих нищим милостыни помолимся, и о приносящих жертвы и начатки Господу Богу нашему помолимся, яко

---

[11] Altaner, op. cit., S. 50.

[12] Гл. 35. Цитирую по русскому переводу И. Н. Казань, 1864, с заимствованием отдельных фраз из греческого контекста у Lagarde, Constitutiones Apostolorum graece, 1862.

да воздаст им всеблагий Бог небесными Своими дары и даст им в нынешнем сторицею, в будущем же живот вечный, и дарует им вместо временных вечная, вместо земных небесная. О новопросвещенных братиях наших помолимся, яко да утвердит их Господь и укрепит. О иже в немощи страждущих братиях наших помолимся, яко да свободит их Господь от всякия болезни и всякия язи и восставит их святей Своей Церкви здравы. О плавающих и путешествующих помолимся. О иже в рудах и заточениих и в темницех и узах сущих имене ради Господня помолимся. О иже в горькой работе труждающихся помолимся. О вразех и ненавидящих нас помолимся. О гонящих нас имене ради Господня помолимся, яко да, укротив яростное их, рассеет Господь иже на ны гнев их. О вне сущих и заблудших помолимся, яко да обратит их Господь. Младенцев Церкви помянем, яко да Господь, свершив их в страхе своем, приведет в меру возраста. Друг о друге помолимся, яко да соблюдет и сохранит нас Господь благодатию Своею в конец и свободит нас от лукаваго и от всех соблазн делающих беззаконие, и упасет в пренебесное царствие свое. О всякой душе христианстей помолимся"[13].

Эти моления диакон заканчивал словами: „Спаси и востави ны, Боже, Христом Твоим". Все вставали. И диакон произносил собственно вечерние моления: „Воставше, милостей Господа и щедрот Его просим. Ангела иже на мир, добрых и полезных, христианских концев, вечера и нощи мирныя и безгрешныя, и всего времене живота нашего неосужденна просим. Сами себе и друг друга живому Богу Христом Его предадим"[14].

По исполнении диаконом этих молений, епископ читал молитву, в которой просил Бога принять вечернее благодарение и ниспослать „вечер мирен" и „нощь безгрешну" — „Безначальне Боже и бесконечне, молился епископ, всяческих творче Христом и правителю, прежде же всех Его Боже и Отче, Духа Господи и мысленных и чувственных Царю, иже сотворивый день к делам света и нощь к упокоению немощи нашея, Твой бо есть день и Твоя есть нощь, Ты совершил еси зарю и солнце. Сам и ныне, Владыко, человеколюбче и всеблаже, милостивно прими вечернее наше сие благодарение. Иже приведый нас долготою дне и введый в начала нощи, сохрани нас Христом Твоим, вечер подаждь мирен и нощь безгрешну, и сподоби нас жизни вечныя Христом Твоим, имже Тебе слава, и честь и почитание во Святем Дусе во веки. Аминь"[15].

После этой молитвы диакон призывал молящихся преклонить головы к руковозложению, и епископ читал молитву: „Боже отцев и Господи милости, иже премудростию Твоею устроивый человека, словесное животное, боголюбезное ихже на земли, и давый ему властвовати яже на земли, и поставивый мыслию Твоею начальники и иереи, тыя убо к утверждению живота, сих же к служению взаконенну. Сам и ныне преклонися, Господи Вседержителю, и яви лице Свое на люди Твоя, преклонныя выю сердца своего, и благослови я Христом, имже осветил еси нас светом разума и открыл еси нам Себе, с нимже Тебе и достойное подобает поклонение от всякого словеснаго и святого естества, и Духу Утешителю во веки. Аминь"[16].

Диакон говорил: „Изыдите в мире", и богослужение заканчивалось.

Итак, VIII книга Постановлений Апостольских содержит довольно обстоятельно изложенный конец вечерни, состоящий из диаконских молений и двух молитв епископа, из которых последняя выслушивалась с главопреклонением.

Относительно приведенных выше диаконских молений следует заметить, что первая половина их, выслушиваемая молящимися с коленопреклонением, представляет своего рода вариант тех раннехристианских молений,

---

[13] Гл. 10.
[14] Гл. 36.
[15] Гл. 37.
[16] Там же.

о которых уже Тертуллиан писал: „Мы молимся и за императоров, их министров, и власти, за существование рода человеческого, за спокойствие государства и за замедление конца мира“[17], и которые приводятся в Завещании Господа нашего Иисуса Христа как Proclamatio diaconi — „О мире, иже с небесе..., О вере..., О согласии и единомыслии..., О терпении..., Об апостолах..., О святых пророках..., О святых исповедниках..., О епископе..., О пресвитерах..., О диаконах..., О пресвитеридах (presbyteris feminis) ..., О иподиаконах, чтецах и диакониссах..., О всегда верных..., Об оглашенных..., Об империи..., О властях..., О всем мире..., О плавающих и путешествующих..., О переносящих гонение.... О усопших, иже отъидоша от Церкве..., О падших..., О нас же всех...“[18], выслушиваемые также коленопреклонно.

Да и наличие в рассматриваемых молениях Постановлений Апостольских прошений „О иже в рудах и заточениих, и в темницех и узах сущих имене ради Господня..., О иже в горькой работе труждающихся. ., О вразех и ненавидящих нас..., О гонящих нас имене ради Господня...“ — говорит о более раннем происхождении этих молений, чем время появления самих Постановлений. Возможно, что они употреблялись за вечерним богослужением еще в III веке, и составитель Постановлений Апостольских дополнил их прошениями: „Милостей Господа..., Ангела иже на мир, добрых и полезных христианских концов, вечера и нощи мирныя и безгрешныя...“, которые указал, в отличие от тех древних молений, выслушивать стоя. Для истории православного чина вечерни те и другие моления важны, как представляющие своего рода прототип современных ектений — великой и сугубой (первая часть молений или коленопреклонная) и просительной (вторая часть). Последняя, быть может, появилась ко времени составления Постановлений Апостольских, и составитель счел поэтому нужным зафиксировать ее и отвести ей соответствующее место в богослужебных чинопоследованиях.

Что касается молитв епископа, то установить более раннее происхождение их, сравнительно с временем происхождения Постановлений Апостольских, не представляется возможным за отсутствием подобных молитв в сохранившихся памятниках II—III вв. Быть может, они сформировались ко времени появления самих Постановлений Апостольских и запись их составляла одну из задач автора Постановлений.

Для истории Православной вечерни эти молитвы важны, поскольку они как со стороны плана их построения, так и в части их содержания, имеют много общего с молитвами современной вечерни. В частности, первая епископская молитва „Безначальне Боже и Бесконечне...“ близка в этом отношении к современной 7-й светильничной молитве: „Боже великий и вышний, един имеяй бессмертие...“ В обеих молитвах сначала прославляется Бог, как Творец светил небесных, определяющих своим течением появление дня и ночи.

МОЛИТВА VIII КНИГИ ПОСТ. АП.	7-Я СВЕТИЛЬН. МОЛИТВА
„Иже сотворивый день к делам света и нощь к упокоению немощи нашея, Твой бо есть день и Твоя есть нощь, Ты свершил еси зарю и солнце“.	„Разделивый между светом и между тмою, и солнце положивый во область дне, луну же и звезды во область нощи“.

Далее в обеих молитвах следует вечернее благодарение.

„Сам и ныне, Владыко, Человеколюбче и Всеблаже, милостивно приими вечернее наше сие благодарение“.	„Сам, Человеколюбче, исправи молитву нашу яко кадило пред Тобою и приими ю в воню благоухания...“

После благодарения в обеих молитвах испрашивается мирный вечер и безгрешная ночь и вечное спасение:

---

[17] Апология, кн. I, гл. 39.
[18] Апология, кн. I, гл. 35.

„Сохрани нас Христом Твоим, вечер подаждь мирен и нощь безгрешну и сподоби нас жизни вечныя Христом Твоим“.

„Подаждь же нам настоящий вечер и приходящую нощь мирну: облецы ны во орудие света“.

Равным образом слова современной главопреклонной молитвы: „Господи, Боже наш, приклонивый небеса и сошедый на спасение рода человеческого, призри на рабы Твоя и на достояние Твое: Тебе бо страшному и человеколюбцу судии Твои раби подклониша главы, своя же покориша выи...“ представляют перифраз слов главопреклонной молитвы Постановлений Апостольских: „Сам и ныне преклонися, Господи Вседержителю, и яви лице Свое на люди Твоя, преклоншия выю сердца своего...“

Это обстоятельство дает основание полагать, что зафиксированные составителем Постановлений Апостольских вечерние молитвы, быть может, уже в том же IV веке стали широко известны в Церкви, так что могли служить основой для существующих в ней теперь молитв.

Что касается кульминационного пункта вечернего богослужения, каковым являлось внесение в молитвенное собрание горящего светильника, сопровождавшееся пением псалмов и особых светильничных гимнов, то, хотя составитель Постановлений Апостольских прямо не упоминает об этом обряде, однако брошенная им, как бы вскользь, фраза „после того как скажут светильный псалом“ (τὸν ἐπιλύχνικον ψαλμόν)[19] указывает на существование в данном случае этого древнего обряда.

Неизвестно, какие при этом исполнялись гимны, но возможно, что среди них был гимн „Хвалите отроцы Господа, хвалите имя Господне. Хвалим Тя, поем Тя, благословим Тя великия ради славы Твоея, Господи Царю, Отче Христа, Агнца непорочного, вземшего грех мира. Тебе подобает хвала, Тебе подобает пение, Тебе слава подобает Богу и Отцу чрез Сына во всесвятем Дусе во веки веков. Аминь“, вместе с песнью Симеона Богоприимца записанный составителем Постановлений Апостольских в конце VII книги[20] и обозначенный как вечерний гимн (ἑσπερινὸς ὕμνος)[21]. Самое начало этого гимна — „Хвалите отроцы Господа, хвалите имя Господне“ — переносит нашу мысль к литургической практике Завещания, где при внесении в молитвенное собрание горящего светильника „духовные псалмы и песни, относящиеся к светильнику“ пели не взрослые, а дети. Не имел ли места этот обычай и в Церкви, к которой принадлежал составитель Постановлений Апостольских?

Второе описание вечернего богослужения IV века принадлежит перу западной паломницы по Святым местам Востока Этерии (Aetheria). Время появления этого документа относится к 393—394 гг.[22] Этерия в плане паломнического повествования описывает вечернее богослужение, которое она наблюдала в Иерусалимском храме Воскресения Христова. По ее словам, „в десятый час“ в храме, куда собирался народ, зажигались все лампады и свечи, отчего получался „большой свет“. Светильник же извне не приносили, так как в самом храме, внутри пещеры св. гроба, денно и нощно горела лампада, и от этой лампады подавался огонь в храм. „А огонь, — замечает она, — не приносится извне, но подается из внутренности пещеры, где денно и нощно горит неугасаемая лампада, т. е. внутри пещеры“. По изнесении из пещеры огня клир и народ пели „вечерние псалмы и более продолжительные (сравнительно с часовыми службами. — *Н. У.*) антифоны. По исполнении их в храм приходил епископ, которому нарочито сообщали об этом времени. Он садился на свою кафедру. Вместе с ним садились на свои места и совершавшие богослужение пресвитеры. Продолжалось пение гимнов и антифонов. По исполнении их епископ вставал и становился перед пещерой гроба

---

[19] У Lagarde, p. 271.
[20] Гл. 48.
[21] У Lagarde, p. 229.
[22] Altaner, op. cit., S. 205.

Господня. Один из диаконов поминал поименно присутствующих в храме („поминает всех по одиночке... произносит имя каждого"), хор же мальчиков в это время пел многократно „Кирие елейсон". По окончании диаконом поминовения, епископ читал молитву „за всех" и все молились вместе, оглашенные и верные. Затем диакон говорил, чтобы оглашенные преклонили головы, а епископ произносил над ними благословение. Потом, также по указанию диакона, верующие преклоняли головы, и епископ произносил благословение над ними. После этого все подходили к руке епископа. Когда все присутствующие получили епископское руковозложение, тогда полагалось пение гимна, во время которого епископ и весь народ с ним шли из храма на открытый двор, расположенный между храмом и Голгофой. Паломница называет этот двор „Ante Crucem"[23]. Здесь опять читались молитвы: одна об оглашенных и другая о верных, и опять все подходили к епископскому руковозложению. Отсюда шествие направлялось на Голгофу, что то же Post Crucem[24], где совершалось то же самое, что было и во Святом дворе. Богослужение оканчивалось с наступлением темноты[25].

Этерия не указывает, какие псалмы исполнялись за богослужением, и не называет ни одного антифона или гимна. Но, изложив порядок всего богослужения, которое совершалось в Анастасисе в течение суток, она делает очень ценное для истории вечернего богослужения замечание: „Особенно выдающимся между всем другим совершающимся, — пишет она, — является то, что псалмы и антифоны всегда поются подходящие, как те, которые поются ночью, так, напротив, и те, которые утром; затем и поемые днем, в шестой, девятый часы и при вечерне, всегда так подходящи и осмысленны, что относятся к тому, что совершается"[26]. Это очень важное сообщение. Оно говорит о том, что ко времени посещения паломницей Иерусалима, т. е. к концу IV века, богослужение в храме Св. Воскресения уже приняло вид вполне сложившихся чинопоследований с постоянным составом псалмов, гимнов и молитв, и все это было так удачно подобрано по своей содержательности ко времени суток, когда оно исполнялось, что производило на паломницу большое впечатление.

В этом же описании Этерия в одном месте говорит, что псалмы и антифоны чередовались с иерейскими молитвами — „и после каждой песни читается молитва. Ибо по два или три пресвитера, также и диакона, ежедневно чередуются с монашествующими, и после каждой песни и антифона читают молитвы"[27]. В другом месте она указывает, как происходило самое пение псалмов и чередование их с молитвами: „Кто-либо из пресвитеров поет псалом, и все отвечают (respondent), затем произносится молитва. После этого поет псалом кто-либо из диаконов, и подобным же образом произносится молитва; поется и третий псалом кем-либо из клириков, произносится третья молитва, и совершается поминовение всех"[28]. Здесь уместно вспомнить сообщение о восточном богослужении современника Этерии, преп. Иоанна Кассиана, который писал, что часовые службы „в монастырях Палестины и Месопотамии и всего Востока определяются каждодневно тремя псалмами"[29] и что монахи „сначала стоя пропевают... три антифона, потом сидя на земле или же на низеньких стульцах, отвечают на три псалма по канонарханию одного"[30]. Это значит,

---

[23] „. . . sic itur Ante Crucem, sive pluvia, sive estus sit, quia ipse locus subdivanus est, id est quasi atrium valde grande et pulchrum Satis, quod est inter Cruce et Anastase". Peregrinatio ad loca sancta, cap. 37.

[24] „. . . toto anno semper dominica die in ecclesia maiore procedatur, id est quae in Golgotha est — id est post Crucem". Peregrinatio, cap. 25.

[25] Peregrinatio, cap. 24.

[26] Ibid., cap. 25.

[27] Ibid., cap. 24.

[28] Ibid.

[29] De institutis coenobiorum... III, 3. Migne, P. L., t. 49 col. 116.

[30] Ibid. III, 8. Migne, ed. cit., col. 144.

что в суточном богослужении Восточной Церкви, а, следовательно, на вечерне, которая, по словам Этерии, здесь называлась светильничным (licinicon), существовал трехпсалмный строй. Псалмы и антифоны, чередующиеся с нерейскими молитвами, были сгруппированы в трехпсалмия. Исполнялись они так наз. респонсорным способом пения, когда кто-либо один из клириков пел псалом, а прочие молящиеся отвечали (respondent) ему на каждый стих каким-то припевом.

Описание Этерией иерусалимской вечерни имеет значение для истории восточного вечернего богослужения не только как свидетельствующее о существовании в IV веке в Восточной Церкви вполне сформировавшегося чина вечерни, конструктивно стройного и со стороны подбора псалмов и гимнов содержательного ко времени их исполнения. Это описание вместе с тем указывает и на собственно иерусалимские богослужебные особенности, которые впоследствии сказались на обрядовой стороне вечерни во всей Восточной Церкви.

Первой из таких особенностей было внесение горящего светильника не извне, как это было принято во всей Церкви, а из пещеры гроба Господня, которая находилась внутри самого храма. Наблюдательная паломница обратила внимание на эту местную особенность иерусалимской вечерни и объяснила ее тем, что в пещере гроба Господня денно и нощно горела лампада. Но суть дела, конечно, заключалась не в круглосуточном горении лампады, а в наличии в Иерусалимском храме святыни— гроба Господня. Коль скоро вносимый в молитвенное собрание светильник издревле знаменовал собой духовно присутствующего в этом собрании Христа Спасителя, то откуда же следовало его вносить здесь, как не из пещеры, где был погребен Христос и откуда Он вышел по Своем воскресении?

Иерусалимский обычай изнесения светильника из пещеры гроба Господня, вместо внесения его извне, послужил основанием к появлению в Восточной Церкви обряда изнесения на вечернем входе светильника из алтаря.

Иерусалимский порядок изнесения светильника мог получить довольно рано значение общецерковного благодаря существованию здесь объяснения значения престола, как знаменующего собой гроб Господень. Уже в кратком — связанном с именем св. Иоанна Постника († 595 г.) — толковании храма и его принадлежностей говорится: „Трапеза намекает (αἰνίττεται) на гроб Господа“[31]. Затем это символическое толкование значения престола проходит через труды авторитетных восточных литургистов до блаж. Симеона Солунского включительно[32], содействуя тем самым распространению иерусалимского обычая изнесения светильника во всей Восточной Церкви.

Этому же иерусалимскому обычаю мы обязаны существованием в Восточной Церкви и другого обряда, совершаемого на вечерне, соединяемой с литургией Преждеосвященных Даров, когда иерей берет стоящий на престоле светильник и, обратясь лицом к народу и вознося перед ним этот светильник, возглашает: „Свет Христов просвещает всех“. Надо заметить, что этот обряд долго сохранял еще черту, присущую обряду внесения светильника в Древней Церкви — несение его и приветствие народа диаконом. Так евхологион Синайской библиотеки № 971, XIII—XIV в., говорит: „Выходит диакон с двумя свечами позади амвона и говорит: „Премудрость. Свет Христов просвещает всех. Вонмем“. И кадит народ и входит снова в алтарь и говорит иерею: „Благослови, Владыко, свет“. Иерей же читает: „Благословен еси светяй и освящаяй“[33].

---

[31] P i t r a, Spicilegium Solesmense. Paris, 1858, t. IV, p. 441.
[32] Περὶ τοῦ Ἁγίου ναοῦ. M i g n e, P. Gr., t. 155, col. 340.
[33] Проф. А. А. Д м и т р и е в с к и й, Εὐχολόγια. Киев, 1901, стр. 249—250.

Впрочем при повсеместном распространении в Восточной Церкви обрядов изнесения из алтаря свечи на вечернем входе и светильника с престола на литургии Преждеосвященных Даров, в храме Св. Софии в Константинополе долго сохранялся и древний обычай внесения светильника извне. Его совершали на литургиях, соединяемых с вечерней, напр. на литургии Преждеосвященных Даров, а также на литургии св. Иоанна Златоуста, в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, и отправляли с особой торжественностью. Богослужение начиналось при абсолютном мраке в храме, и когда наступало время внесения в храм светильника, архидиакон с кадилом в руке, и с ним второй диакон и еще 12 диаконов, выходили из алтаря и шли в притвор. Здесь они брали приготовленные для них (возженные) светильники и, предводимые архидиаконом, возвращались в храм. Архидиакон возглашал: „Свет Христов просвещает всех", и с прочими диаконами, держащими свои светильники, поднимался на амвон. В это время в алтаре клирик, которого устав называет „начальником светов", подходил к патриарху, также держа в руках светильник, и говорил: „Благослови, Владыко". Патриарх давал возглас: „Яко Ты еси освящение наше, Христе Боже, всегда, ныне и во веки..." „Начальник светов" зажигал все лампады в алтаре; то же самое делали по всему храму иподиаконы и пономари. Патриарх преподавал благословение диаконам, стоящим на амвоне со светильниками, и, после того, как архидиакон возглашал: „Премудрость, прости", они спускались с амвона и входили в алтарь[34].

Вторую местную иерусалимскую богослужебную особенность представлял сравнительно поздний приход епископа в храм, когда часть положенных на вечерне псалмов и антифонов уже была исполнена. Древняя Церковь не знала такого порядка, чтобы богослужение начиналось до прихода в храм епископа и чтобы последний приходил сюда с опозданием. Напротив, в Египетских Церковных Постановлениях мы видим его приветствующим молитвенное собрание, когда диакон вносит светильник. Постановления Апостольские точно также указывают епископу: „Когда настанет вечер, ты, епископ, собери церковь"[35]. Автор Завещания начинает изложение чина утрени словами: „На первой заре епископ собирает народ, дабы совершить службы..."[36]. В Иерусалиме был иной порядок. Здесь епископ не только к вечерне, но и к утрене и к службам шестого и девятого часов приходил, когда часть службы была уже совершена[37].

Это явление может быть объяснено только особыми условиями действительности или церковного быта Иерусалимского храма Воскресения. Последний со времени его освящения в 325 году получил универсальное значение, как священное место не только для жителей Иерусалима, но и для христиан всего мира, во множестве совершавших сюда паломничество. По словам Этерии, богомольцы собирались здесь к утреннему богослужению до пения петухов, а под воскресные дни, опасаясь не попасть в храм к утрене, приходили с вечера во множестве „какое может быть в этом месте в Пасху"[38]. Народ оставался в храме и по окончании утрени, когда епископ уходил домой[39]. Если так обстояло дело с наполнением храма богомольцами ночью, то что же было в нем днем? Постоянное пребывание народа в храме, как видно из сообщения Этерии, вызвало появление при нем, наряду с клиром епископа, монашествующих, которые совместно с пресвитерами и диаконами несли череду, занимая народ молитвой до начала богослужения и по окончании его. Но если пресвитеры, диаконы и монахи имели возможность смены, то у епископа, как у единственного в своем роде члена клира, этой

---

[34] Проф. А. А. Дмитриевский, Древнейшие патриаршие типиконы Святогробский Иерусалимский и Великой Константинопольской Церкви, Киев, 1907, стр. 329.
[35] VIII, 35.
[36] I, 26.
[37] Peregrinatio..., cap. 24.
[38] Ibid.
[39] Ibid.

возможности не было. Присутствовать же на всех суточных службах, от начала и до конца их, было бы равносильным круглосуточному пребыванию в храме. Это было просто непосильно, тем более, если учесть замечание Этерии, что такое богослужение совершалось здесь ежедневно. Епископу оставалось или отсутствовать вовсе на отдельных службах, или приходить к ним с некоторым опозданием, давая себе отдых в то время, когда клирики совершали некоторую часть чинопоследований. Первое было едва ли удобно. Неудобно было не присутствовать на службе 6-го и 9-го часов при наличии в храме Голгофы, где в эти часы страдал и предал Свой дух Богу Спаситель. По тем же соображениям нельзя было отсутствовать на вечернем богослужении и не помолиться в Святом дворе и на Голгофе, памятуя, что когда-то вечером здесь Христос был снят со креста и погребен. Также нельзя было не придти к утрене и не прославить когда-то здесь Воскресшего. В этих условиях для епископа оставался единственный выход, говоря языком церковного устава, „покоя ради малого" не являться в храм к началу богослужения, а приходить туда с опозданием, с тем, чтобы прослушать часть положенных на службе псалмов и гимнов, прочитать евангелие, когда оно положено, и преподать молящимся благословение. Таким именно представляется, по описанию Этерии, участие иерусалимского епископа в ежедневном богослужении храма Воскресения[40]. Самый вход епископа в храм, разумеется, обставлялся известной торжественностью.

Эта особенность иерусалимского богослужения, будучи принята соборными храмами Православного Востока и, в первую очередь, Великой Константинопольской церковью, послужила основанием к образованию в богослужении Восточной церкви и, в частности, в чине вечерни обряда входа, совершаемого не в начале богослужения, а по исполнении известной части его.

Третью местную особенность иерусалимской вечерни составляло исхождение по окончании богослужения в храме на св. места, расположенные близ храма. Появление этой части богослужения было вызвано наличием близ храма Воскресения Святого двора, который назывался также Святым садом[41], и Голгофы. Для присутствующих за вечерним богослужением в Иерусалимском храме было вполне естественным, помня слова Евангелия: „на том месте, где Он распят, был сад" (Иоан. 19, 41) и что Христос погребен был „когда настал вечер" (Мф. 27, 57; ср. Мрк. 15, 42), посетить после вечерни то место, где был этот сад, й Голгофу, и помолиться Господу, Который когда-то в этот час был здесь снят со креста и погребен. С распространением же иерусалимских богослужебных порядков за пределами храма св. Воскресения, эта часть вечернего богослужения получила значение литии или исхождения в притвор храма. Но сама по себе идейная связь вечернего исхождения с евангельским событием погребения Христа сохранялась в церковном сознании Восточной церкви и в последующие времена, так что даже в XV веке блаж. Симеон, архиепископ Солунский, толкуя чинопоследование вечерни, писал, что лития совершается как бы перед гробом Христа (γίνεται δέησις, καὶ τὸ κύριε ἐλέησον καθάπερ ἔθος, ὡς κατενώπιον τοῦ τάφου Χριστοῦ)[42].

Наконец, в описании Этерии дается иной порядок отпуста оглашенных и верных, нежели в чине вечерни VIII книги Постановлений Апостольских. Там сначала отпускались оглашенные и затем, по уходе их, произносились коленопреклонные моления за всю Церковь, о всех ее членах, после чего епископ читал молитву, где испрашивался „вечер мирен" и „ночь безгрешна", и уже потом молитву руковозложения верных, которую последние выслушивали с преклонением глав. В Иерусалиме же сначала диакон поминал поименно присутствующих и епископ читал молитву общую для оглашенных и верных, а затем уже молитву руковозложения оглашенных

---

[40] Peregrinatio..., cap. 24.

[41] Проф. А. А. Дмитриевский, Богослужение страстной и пасхальной седмиц во св. Иерусалиме IX—X вв. Казань, 1894, стр. 391.

[42] Περὶ τῆς θείας προσευχῆς. Migne, P. Gr., t. 155, col. 633.

и молитву руковозложения верных. Если эта деталь описания Этерии не составляла собственно иерусалимской богослужебной особенности, то она во всяком случае заслуживает быть отмеченной, так как полагает собой начало богослужебной практике последующего времени, когда оглашенные стали допускаться на вечерне и утрене к участию в общих молениях о Церкви и о всех ее членах, так что отпуст их происходил перед отпустом верных.

Подводя итог обозрению иерусалимской вечерни IV в., следует сказать, что это было конструктивно слаженное чинопоследование, в основе которого лежал трехпсалмный строй. В чинопоследовании, разумеется, могло быть и не одно трехпсалмие. Судя по тому, что Этерия, говоря о псалмах, всегда соединяет их с антифонами[43], надо полагать, что и псалмы исполнялись антифонно. После каждого псалма произносилась молитва. Идейно вечерня была связана с древним обрядом светильничного благодарения и от него получила самое название „светильничное" (licinicon), но в силу наличия в самом храме великой святыни гроба Господня, светильник вносился не извне, а из пещеры Св. Гроба. Особые условия церковного быта храма Воскресения вызвали приход епископа в храм, как бы разделявший собой чинопоследование на части. Наличие же близ храма святынь — Св. двора, или сада, и Голгофы, связанных с имевшим место вечером событием снятия Спасителя со креста и Его погребением, вызвало появление после вечерни исхождения, или литии, на эти святые места.

* * *

Иерусалимская вечерня с отмеченными в ней чертами положила начало особому виду вечернего богослужения, которое известно было под названием песненной вечерни (ἀσματικός ἑσπερινός). Подробное описание его впервые дал блаж. Симеон, архиепископ Солунский. Он говорит, что эта вечерня представляет собой отеческое предание (παρὰ τῶν πατέρων ἡμῶν ἄνωθεν δέδοται)[44] и что изначала ее совершали все вселенские церкви нараспев (καὶ αἱ καθολικαὶ δὲ ἐκκλησίαι πᾶσαι ἀνὰ τὴν οἰκουμένην 'απαρχῆς ταύτην μελῳδικῶς)[45] и что на ней ничего не говорилось как только нараспев, за исключением только иерейских молитв и диаконских прошений (μηδὲν χωρίς, λέγουσαι, μέλους εἰ μὴ τὰς ἱερέων μόνον εὐχὰς καὶ τὰς τῶν διακόνων αἰτήσεις)[46].

По описанию блаж. Симеона, вечерня начиналась не в алтаре, а на средине храма возгласом иерея „Благословенно царство", после чего следовала ектения. Но прежде чем последняя заканчивалась, после прошения „Заступи, спаси, помилуй..." певец запевал: „Услыши мя. Слава Тебе, Боже". Иерей же после этой фразы продолжал: „Пресвятую, Пречистую..." и произносил возглас: „Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение..." Тогда певцы начинали петь 85 псалом „Приклони, Господи, ухо Твое...", прилагая к каждому стиху припев „Слава Тебе, Боже". По исполнении псалма произносилась малая ектения, на которой после прошения „Заступи, спаси..." певец запевал: „Вселенную. Аллилуиа" и иерей продолжал: „Пресвятую, Пречистую..." и произносил возглас: „Яко Твоя держава..." Блаж. Симеон замечает, что далее должны были следовать антифоны, но они в его время уже не исполнялись, и вместо них пели один стих воскресного прокимна „Воскресни Боже...", который называли конечным антифоном (τελεύταιον ἀντίφωνον λέγεται) и „Слава и Ныне". Затем следовало пение „Господи воззвах..." Блаж. Симеон приводит несколько стихов из 140 псалма и говорит, что к этим стихам в одно воскресенье прилагали припев: „Живоносное Твое востание, Господи, славим", в другое же —

---

[43] Peregrinatio..., cap. 24.
[44] περὶ τῆς θείας προσευχῆς, ed. cit., col. 624.
[45] I b i d.
[46] I b i d.

„Спасительное Твое востание, Господи, славим". На стихе „Яко к Тебе, Господи, Господи..." певец обращался лицом к западу и кланялся, как бы приглашая этим священников, которые в это время сидели на средине храма, встать и совершить вход в алтарь. Последние вставали. Иерей (очевидно. старейший) говорил: „Благословен вход святых Твоих, Господи". Произносили „Премудрость, прости", делая крест кадилом (по-видимому, диакон) и священнослужители входили в алтарь. В это же время на амвоне певцы пели какие-то воскресные гимны (οἱ δὲ ὕμνοι τῆς ἀναστάσεως), заканчивавшиеся „Слава и Ныне". Во время пения этих гимнов иерей или диакон совершал каждение (очевидно, алтаря). Затем произносился прокимен: „Господь воцарися..." и сугубая ектения. За ней сразу следовала малая ектения с возгласом: „Твое бо есть еже миловати..."

Далее следовали три так называемых малых антифона, исполняемых, как и предыдущие, на два хора. Они так назывались потому, что состояли не из целых псалмов, а из четырех стихов от каждого псалма, завершаемых „Слава и Ныне". Это были 114, 115 и 116 псалмы. К стихам первого из них прилагался припев: „Молитвами Богородицы, Спасе, спаси нас". После первого антифона полагалась малая ектения с возгласом: „Благодатию и щедротами..." Пели второй антифон с припевом: „Спаси нас, Сыне Божий, воскресый из мертвых, поющия Ти", а в дни памяти святых — „ во святых чудотворяй..." На „Слава" же к этому антифону прилагалось „Единородный Сыне", а на „И ныне" — „Преславную Божию Матерь..." Опять произносилась малая ектения с возгласом: „Яко свят еси Боже наш..." и пели третий антифон. Припевом к нему служило Трисвятое. Трисвятое заканчивалось пением „Слава и Ныне" — „Святый бессмертный..." („Δόξα καὶ νῦν" το τελευταῖον) и еще велегласным повторением этого тропаря (ἐκφώνως). В это время архиерей (если он был) благословлял трижды с горнего места (ἀπὸ τοῦ θρόνου αὐτοῦ, ἤτοι τοῦ στασιδίου). Перед вторым и третьим антифонами так же, как и перед первым, произносилась малая ектения, а после третьего — просительная. Затем следовала главопреклонная молитва и, если вечерня совершалась на воскресный день, то по возгласе „Буди держава царствия Твоего..." пели стиховные стихиры и совершалась лития. После возгласа „Услыши ны, Боже..." полагались какие-то отпустительные (очевидно, тропари) и следовал отпуст. Если же вечерня совершалась не на воскресный день, то лития не совершалась. Иерей сходил с амвона, и в это время пели отпустительное — „Богородице Дево..." и иерей произносил отпуст: „Господу помолимся. Яко Ты еси освящение наше, Христе, Боже наш, и Тебе славу воссылаем..."

Когда вечерня совершалась на память празднуемого святого, то после возгласа главопреклонной молитвы предлагалось чтение сказания о празднике или жития святого[47].

Кроме описания песненной вечерни блаж. Симеоном Солунским, известна еще одна уставная запись этого чина в рукописи Иерусалимской патриарш. библ. № 635/305, XVI в.[48] Ниже приводится этот редкий и малоизвестный чин:

---

[47] Ed. cit., col. 624—636.

[48] Хотя манускрипт относится к XVI в., тем не менее этот чин следует рассматривать как более ранний, потому что манускрипт относится к типу сборников, куда их составители заносили все, что их так или иначе интересовало. Здесь помещен список Иерусалимского устава (см. проф. А. А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеке Православного Востока, т. III, первая половина,— (Τυπικά) ч. II. Петроград, 1917, стр. 361—371), чин проскомидии и литургии, относящийся к XV в. (см. у проф. Красносельцева в его книге „Материалы для истории чинопоследования литургии св. Иоанна Златоуста". Казань, 1889, стр. 82—83), сюда же приложено толкование на литургию с именем св. Кирилла Иерусалимского (Τυπικά, ч. II, стр. 371—375), несколько статей исторического содержания (см. у А. И. Пападопуло-Керамевса в Ἱεροσολ. βιβλ.,τ. β, σελ. 627—628), отдельные песнопения (Τυπικά, ч. II, стр. 756—763), статьи о составе св. мира (Τυπικά, ч. II, стр. 763—764), заметки о количестве таинств и смертных грехов, перечень несчаст-

Диакон — „Благослови, Владыко". Иерей — „Благословенно царство..., Миром..., О свышнем..., О мире..., О святем храме сем..., Об архиепископе нашем..., О благочестивейших..., О пособити..., О граде..., О изобилии воздухов..., О плавающих..., О избавитися..., Заступи, спаси...", затем возглашает доместик — „И услыши мя... Слава Тебе, Боже". Диакон — „Пресвятую, Пречистую..." Иерей — „Яко подобает Тебе..." Доместик: „Приклони, Господи, ухо Твое... Слава Тебе, Боже". Другой хор — „Сохрани душу мою" и прочее псалма. Затем „Слава и Ныне", доместик — „Слава Тебе, Боже..." нараспев. Диакон — „Пресвятую, Пречистую..." Иерей — „Яко Твоя держава..." Доместик — „Святым иже суть на земли его удиви Господь... аллилуиа, Слава и Ныне", затем „Господи воззвах...", „Вечернюю молитву приносим Ти, Господи, юже приими святыми Твоими и спаси нас". Другой хор — „Да исправится молитва моя"... Сим же поемым бывает вход, затем — „Положи, Господи, хранение..., Не уклони сердце мое..., С человеки делающими..., Накажет мя праведник..., Яко еще и молитва моя..., Услышатся глаголи мои". Диакон — „Премудрость, прости". Доместик — „Яко к Тебе, Господи, Господи..., Сохрани мя от сети...". Когда же дойдет до „Аще беззакония...", поем стихиры. Диакон кадит. Затем говорятся другие стихиры и по „Слава и Ныне" говорится прокимен дня. Затем диакон говорит — „Рцем вси и прочая..., Яко милостив..." Диакон — „Паки и паки..., Заступи, спаси..., Пресвятую..., Яко благ..." Доместик запевает антифон „Возлюбих яко услышит Господь глас..., Молитвами Богородицы..., Яко приклони ухо Свое мне..., Молитвами Богородицы..., Милостив и праведен..., Молитвами Богородицы..., Благоугожду пред Господем..., Молитвами Богородицы..., Слава и Ныне..., Молитвами..." Диакон — „Паки и паки..., Заступи, спаси..., Пресвятую, Пречистую...," Иерей — „Яко Ты еси Бог наш..." Доместик — „Веровах тем же возглаголах..., Спаси нас, Сыне Божий..., Аз же смирихся зело..., Спаси нас..., Что воздам Господеви..., Спаси нас..., Чашу спасения приму..., Спаси нас..., Слава..., Единородный Сыне..., И ныне..., Преславную Божию Матерь..." Диакон — „Паки и паки..., Заступи, спаси..." Иерей — „Яко свят еси Боже наш..." Доместик — „Хвалите Господа вси языцы..., Святый Боже..., Похвалите его вси людие..., Святый Боже..., Истина Господня пребывает..., Святый Боже..., Яко утвердися милость..., Святый Боже..., Слава..., Святый Боже..., И ныне и присно..." Диакон — „Исполним вечернюю молитву... Заступи, спаси..., Вечера всего..." и т. д. Отпустительный дня и отпуст[49].

Приведенный чин имеет полное конструктивное сходство с вечерней, описываемой блаж. Симеоном. В обоих случаях после великой ектении следует трехпсалмие, в рукописи № 635/305 также нарушенное из-за отсутствия одного из антифонов. Также далее следует „Господи воззвах..." причем из приводимых в данном памятнике стихов можно видеть, что здесь было полное трехпсалмие в составе 140, 141 и 129 псалмов, т. е. как оно положено и в современном чине вечерни. В обоих памятниках во время пения „Господи воззвах..." совершался вход священнослужителей со средины храма в алтарь, затем произносился прокимен, сугубая ектения, и исполнялись три малых антифона, после чего полагалась просительная ектения и следовал отпуст. Если в рукописи № 635/305 не говорится о совершении после вечерни литии, то это объясняется тем, что данный чин изложен при-

---

ливых дней в году (Τυπικά, ч. II, стр. 764), статья о постах, молитва на разлучение души с телом (Τυπικα, ч. II, стр. 764) и чин освящения мира, как он совершается в Великой Константинопольской Церкви (Τυπικά, ч. II, стр. 765). Такая пестрота содержания сборника, составленного вне всякой последовательности, показывает, что составитель его руководствовался не богослужебно-практическими соображениями, а, скорее, познавательным интересом. Он записывал все, что казалось ему почему-либо интересным или оригинальным, и чин песненной вечерни мог быть записан с более раннего манускрипта, как интересный своим содержанием, несовременным автору.

[49] Проф. А. А. Дмитриевский, Богослужение страстной и пасхальной седмиц..., стр. 289—290.

менительно к совершению его на память святого, а не на воскресный день. Этим, по-видимому, объясняется, что в чине указано петь на „Господи воззвах" не воскресные припевы: „Живоносное Твое востание..." и „Спасительное Твое востание...", которые приводит блаж. Симеон, а „Вечернюю молитву приносим ти, Господи, юже прими святыми Твоими и спаси ны..."

Однако между песненной вечерней по рукописи № 635/305 и описанной блаж. Симеоном есть и расхождение — это несколько различный состав псалмов первого трехпсалмия. Блаж. Симеон указывает после псалма „Приклони, Господи, ухо Твое...", как начало второго антифона, фразу „Вселенную. Аллилуиа". Возможно, что это был остаток прежнего антифона — 92-го псалма „Господь воцарися...", стихи которого и в настоящее время служат вечерним прокимном в субботу. В рукописи № 635/305 на этом же месте, т. е. после „Приклони, Господи, ухо Твое..." дано начало антифона: „Святым, иже суть на земли Его, удиви Господь..." Это стих из 15-го псалма. Данное обстоятельство наводит на мысль, что в то время, как собственно „светильничное трехпсалмие" в составе 140, 141 и 129 псалмов и малые антифоны 114, 115 и 116 псалмов составляли неизменяемый элемент песненной вечерни, второй и третий антифоны первого трехпсалмия менялись соответственно содержанию праздника. Возможно, что сама эта их изменяемость была одной из причин раннего исчезновения этих антифонов из чина, когда последний в целом продолжал еще существовать.

Сопоставляя чин песненной вечерни, так, как он изложен у блаж. Симеона Солунского и в рукописи Иерусал. патр. библиот. № 635/305, с иерусалимской вечерней в описании Этерии, нельзя не заметить наличия в них общих черт. Так, по описанию Этерии, вечерня начиналась на средине храма; так же она начинается и по описанию блаж. Симеона и по рукописи № 635/305. Этерия говорит, что епископ и пресвитеры, находясь на средине храма, слушали вечерние псалмы сидя; то же самое сообщает и блаж. Симеон в своем описании. Этерия отмечает, что на первой половине вечерни до входа епископа исполнялись „вечерние псалмы и более продолжительные антифоны". Это замечание ее вполне соответствует объему антифонов песненной вечерни, где до входа существовало два трехпсалмия, псалмы которых когда-то исполнялись полностью, а по входе только одно с четырьмя стихами из каждого псалма, так что, когда Этерия акцентирует продолжительнось антифонов первой половины вечерни, а блаж. Симеон называет антифоны второй половины малыми, они оба говорят об одном и том же богослужении. Далее Этерия сообщает о совершении после вечерни исхождения во Св. двер и на Голгофу, а блаж. Симеон говорит о совершении литии за амвоном „как бы пред гробом Христа". Наконец, общим для сопоставляемых богослужений является способ исполнения псалмов—антифонов. По словам Этерии, псалмы пел кто-либо из клириков и все отвечали ему. По сообщению блаж. Симеона и по рукописи Иерусал. патр. библ. № 635/305, стихи антифонов поет один человек — псалт или доместик, прочие же певцы отвечают ему на каждый стих антифона припевом. Все это еще раз подтверждает сказанное выше о том, что чин песненной вечерни конструктивно сложился еще в IV веке и возможно, что многие псалмы и антифоны, иерейские молитвы, которые полагались в нем во время блаж. Симеона, были употребляемы еще во время Этерии.

*

* *

По описанию Этерии, в иерусалимском богослужении псалмы чередовались с молитвами, которые читали пресвитеры. Блаж. Симеон Солунский упоминает о молитве первого антифона „Господи щедрый и милостивый...", как о содержащей мысль всего псалма „Приклони, Господи, ухо Твое..." Он называет еще молитву „Вечер и заутра и полудне...", как повторяющую

слова из псалма „Господи воззвах к Тебе, услыши мя...“, а также упоминает и о молитвах прилежного моления, главопреклонения и отпуста. Он говорит о молитвах антифонов обще, что они, подобно молитве „Господи щедрый и милостивый...“, относятся к определенным псалмам, „имеют и мысли их и слова из них“. Но он не указывает конкретно этой принадлежности для каждой молитвы, так как при нем они читались все вместе где-то в начале вечерни „на светильничном“.

Рукопись Иерусал. патр. библ. № 635/305 не называет ни одной молитвы по той причине, что молитвы эти в древности не заносились в последование вечерни на ряду, где надлежало их читать, а входили вместе с другими иерейскими молитвами в состав евхологиона, и иногда обозначались здесь не только порядковым номером, но и указанием их антифона. Такого рода надписи при молитвах в евхологионах дают возможность определить общий состаз их и установить место их в песненной вечерне. Следует при этом заметить, что в разных евхологионах количество их различно, и нет никакой возможности установить точное время (век) отрыва их от их антифонов. Это объясняется тем, что чин песненной вечерни в разное время и в разных церквах подвергался различному сокращению и даже полной отмене его совершения. Сам блаж. Симеон пишет, что в то время, как он совершал в Солуни песненную вечерню, константинопольцы удивлялись этому, не зная, что они тоже когда-то имели этот чин и оставили его вследствие гонения латиян (очевидно, имеется в виду захват Константинополя крестоносцами в 1204 году)[50].

Молитвами первых трех антифонов древние евхологионы называют современные три первые светильничные молитвы: „Господи щедрый и милостивый...“ (1 антифон), „Господи, да не яростию Твоею...“ (2 антифон) и „Господи Боже наш, помяни нас грешных...“ (3 антифон). Таковы евхологионы Син. библ. № 958, X в.[51], № 962, XI—XII в.[52], № 961, XI—XII в.[53] и №105, XIII в. [54].

Во втором трехпсалмии первое место, т. е. в связи с псалмом „Господи, воззвах к Тебе, услыши мя...“, древнейшие памятники согласно указывают современную молитву входа „Вечера и заутра и полудне...“ В древнейших евхологионах она надписывается как „Молитва на Господи воззвах...“, напр. в евхологионах Син. библ. № 957, IX—X в.[55], № 962, XI—XII в.[56], №961, XI—XII в.[57], № 105—XIII в. [58]. Ее слова: „Исправи молитву нашу яко кадило пред Тобою, и не уклони сердец наших во словеса или помышления лукавствия, но избави нас от всех ловящих души наша, яко к Тебе Господи, Господи, очи наши, и на Тя уповахом, да не посрамиши нас“ подтверждают связь ее с 140 псалмом. Молитвой входа ее стали называть потому, что самый вход, как видно из описания блаж. Симеона и рукописи Иерусал. патр. библ. № 635/305, совершался во время пения 140 псалма.

Молитвой второго антифона второго трехпсалмия или, что то же, 141 псалма, была молитва „Благословен еси Господи Боже, сведый ум человечь...“ В древних евхологионах она обозначалась как „молитва пятого антифона“[59]. С этим древним надписанием она входила в число светильничных молитв еще в московских служебниках, издававшихся до патр. Никона, будучи пятой по счету. Вот она: „Благословен еси Господи Боже Вседержителю, сведый

---

[50] Ed. cit., col. 625.

[51] Проф. А. А. Дмитриевский, Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока, т. II. Εὐχολόγια. Киев, 1901, стр. 21.

[52] Там же, стр. 65.

[53] Там же, стр. 76.

[54] Там же, стр. 161.

[55] Там же, стр 12.

[56] Там же, стр. 65.

[57] Там же, стр. 76.

[58] Там же, стр. 161.

[59] Goar, Εὐχολόγιον, ed. secunda, Venetiis, 1730, p. 35. Notae.

ум человечь, ведый их же потребу имеем о много множае, их же просим или разумеваем. Сам человеколюбче Царю и о всем благий, принудови нас во множестве щедрот Твоих непостыдною совестию призывати святое имя Твое. И не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго и вся к полезному нам устрой. Яко подобает Тебе всякая слава, честь и поклонение Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь".

Молитвой третьего антифона второго трехпсалмия или, что то же, 129-го псалма, служила современная четвертая светильничная — „Немолчными песньми и непрестанными славословленьми..." В евх. Син. библ. № 105, XIII в. [60] она надписана как молитва на „Из глубины воззвах..."

Седьмое место в составе молитв песненной вечерни занимала „молитва прилежного" (моления. — *Н. У.*). Такое место ей указывает евх. Син. библ. № 105—XIII в.[61] Это та самая молитва, которая в современном служебнике положена для чтения на литургии в связи с сугубой ектенией.

В связи с малыми антифонами читались молитвы: 1) „Благословен еси Господи, Боже наш, просветивый день светом солнечным...", 2) „Господи, Господи, избавлей нас от всякия стрелы..." и 3) „Боже великий и вечный, святый и человеколюбивый..." Это те молитвы, которые в настоящее время читаются на вечерне Пятидесятницы в конце трех коленопреклонных молитв. В манускриптах они обозначались: 1-я, как „Молитва антифона первого, когда поется „Молитвами Богородицы...", 2-я, как „Молитва антифона второго, когда поется „Единородный Сыне..." и 3-я, как „Молитва антифона третьего, Трисвятого"[62].

В некоторых евхологионах, как напр. в евх. Син. библ. № 958, X в.[63], имеется еще молитва оглашенных — „Боже, тайная ведый, провидяй вся прежде бытия их, не хотяй смерти грешника, паче же обратити к жизни его, Сам приведи во уготованную обитель Твою и рабов Твоих оглашаемых, отверзи уши сердец их во еже прияти таинство единородного СынаТвоего и Бога нашего. Возроди их водою и Духом в вечное Твое царство. Да и тии с нами славят всечестное и великолепое...", причем в некоторых евхологионах, как напр. в Криптоферратском Виссарионовом, XI в. [64] и Парижской нац. библ. № 213, 1027 г. [65], сказано, что эта молитва читается не всегда, но во вторник и четверг, т. е. накануне постных дней, и то, при условии, если в эти дни не бывает литургии или литии.

В тех евхологионах, в которых имеется молитва оглашенных, как правило, далее следуют две молитвы о верных. Первая молитва — „Господи, Боже наш, и ныне приступаем от всего сердца и имя Твое святое призываем и благодарим Тя сохранившего нас в мимошедшем дни и приведшего нас к вечернему свету. Молимся Тебе, подаждь нам и настоящий вечер с приближающейся ночью беспорочно и все время жития нашего защити нас всеоружием Святаго Твоего Духа, и от духов злобы и страстей плоти, всякое искушение отгоняя и вечного Твоего царствия сподобляя. Яко Тебе подобает..." Молитва вторая — „Господи, Боже, учредивый неприступный свет, приведый нас по велицей милости Твоей в пришедший вечер и к вечернему славословию воздвигнувый. Приим нас недостойных раб Твоих, и покрывая нас от мрака греховного, просвети наши душевныя очи, да всегда во страсе Твоем пребывающе и во свете Твоем ходяще, разумеем чудеса Твоя, во всем славословяще Тебе единого истинного и человеколюбивого Бога. Яко Твоя держава..."

Современная 5-я светильничная молитва своими словами: „Даждь нам избежати и прочее настоящего дне, Твоею благодатию от различных козней лукавого..." приближается к первой молитве верных с ее прошением: „За-

---

[60] Εὐχολόγια, стр. 161.
[61] Там же.
[62] Goar, Εὐχολόγιον, p. 35—36.
[63] Εὐχολόγια, стр. 21.
[64] Goar, Εὐχολόγιον, p. 36.
[65] Εὐχολόγια, стр. 1001.

щити нас всеоружием Святаго Твоего Духа от духов злобы", а 6-я молитва словами: „Даруй нам и прочее непорочно совершити пред святою славою Твоею, пети Тя единого, благого и человеколюбивого Бога нашего" близка второй молитве верных: „да всегда во страсе Твоем пребывающе и во свете Твоем ходяще, разумеем чудеса Твоя, во всем славословяще Тебе единого, истинного и человеколюбивого Бога". Не являются ли современные 5-я и 6-я светильничные молитвы одной из редакций древних молитв о верных?

Блаж. Симеон Солунский упоминает о произношении после просительной ектении главопреклонной молитвы. Затем ниже он говорит, что на всяком песненном последовании последними молитвами являются молитвы главопреклонения и отпуста. Древнейшие евхологионы приводят главопреклонную молитву „Господи Боже наш, приклонивый небеса..." Эта молитва существует с тем же значением и в современном чине вечерни. О ее близости к главопреклонной молитве в чине вечерни VIII книги Постановлений Апостольских было сказано выше.

Молитвой отпуста памятники называют: „Боже великий и вышний, един имеяй бессмертие". Теперь это 7-я светильничная молитва. О ее близости к „Безначальне Боже и бесконечне...", что в чине вечерни VIII книги Постановлений Апостольских, говорилось выше.

Надо заметить, что все древнейшие евхологионы, напр. Син. библ. № 958, X в.[66], Парижской нац. библ. № 213, 1027 г.[67], Син. библ. № 962, XI—XII в.[68], № 961 той же библ. XI—XII в.[69] и № 105 той же библ. XIII в.[70], ставят на первом месте молитву отпуста, и главопреклонную на втором. По-видимому, блаж. Симеон Солунский, говоря о молитве отпуста, как о последней в чине песненной вечерни (τελευταία δὲ εὐχὴ πασῶν ἡ τῆς κεφαλοκλισίας τε καὶ ἀπολύσεως)[71], имеет в виду не эту древнюю молитву, а новую форму отпуста, слагавшуюся в его время в виде кратких благословений и молитвенных напутствий. Так можно полагать потому, что святитель, приведя в конце изложения вечерни возглашение: „Господу помолимся. Яко Ты еси освящение наше, Христе Боже наш, и Тебе славу воссылаем...", говорит: „Так бывает отпуст".

По сообщению блаж. Симеона, чин вечерни этим заканчивался (καὶ οὕτω τὸ τέλος τῶν προσευχῶν ἐπάγει)[72]. Однако в некоторых евхологионах, сравнительно малочисленных, как напр. Парижской нац. библ. № 213, 1027 г.[73], Моск. Син. библ. № 371/675, XIV—XV вв.[74] и № 372/900, XIV—XV в.[75] и Соловецк. монастыря № 725/1085, 1505 г.[76], вслед за вечерними молитвами положены еще 4 молитвы, две для чтения в скевофилакии или, что то же, в сосудохранильнице, и две — в баптистерии. Ниже приводятся эти содержательные и малоизвестные молитвы.

Первая молитва в скевофилакии: „Господи Боже наш, сокровище вечных благ, Подателю всякого освящения, сотворивый нас на дела благая, да в них ходим, воззри на смирение наше и сотвори ны сосуд Себе освященный и благородный показатися Владыке ко всякому благому делу изряден, обновитися к познанию вящшаго злата, сребра, камений честных божественных и живоносных заповедей, во еже быти душе нашей граду и обиталищу

---

[66] Εὐχολόγια, стр. 21.
[67] Там же, стр. 1001.
[68] Там же, стр. 65.
[69] Там же, стр. 77.
[70] Там же, стр. 162.
[71] Ed. cit., col. 636.
[72] Там же.
[73] Εὐχολόγια, стр. 1001—1002. Полный текст молитв, помещенных ниже, заимствуется отсюда.
[74] Описание славянских рукописей Моск. Син. библ., отд. 3, ч. I. М., 1869, стр. 140—141.
[75] Там же, стр. 112.
[76] Проф. Н. Ф. Красносельцев, К истории правосл. богослужения. Казань, 1889, стр. 119—121.

благости, да обитая в нас и окружая, путеводиши нас в шествии к славе вечного Твоего царства. Яко свят еси Боже наш и во святых почиваеши..."

Вторая молитва в скевофилакии — главопреклонная: „Владыко Святе, приклонив Тебе выю телесную, молим, даждь нам всегда прямым и непреклонным помыслом небесную славу усмотряти и к Твоему владычеству возвышатися. Яко Твоя держава и Твое есть царство..."

Молитва первая в баптистерии: „И ныне благодарим Тя, Владыко, Бога и Отца, соделавшего нас уделом избрания во свете святых, ибо избавив нас от власти плоти, привел еси нас в царство Сына любве Твоея, Им же имамы искупление и отпущение согрешений; сего ради молим и пренебесныя славы Твоея избрания, да сообразни бывше подобию смерти плоти Его во святем крещении, в заповедех Его пребывающе и отвращься всех плотских страстей общницы и воскресения Его и вечного царствия во славе святых Его, во свете лица Твоего будем. Яко Ты еси просвещение наше и Тебе славу воссылаем..."

Вторая молитва в баптистерии — главопреклонная: „Господи, Господи, явлением во плоти Единородного Сына Твоего и Бога нашего освятивый нам путь новый и живый чрез возрождение водою и Духом. Сам Владыко, данную нам в сем святем крещении благодать Святаго Твоего Духа неотъемлемую в нас соблюди, просвещая души и телеса наши в познании Твоея истины и делании заповедей Твоих. Яко Ты еси Бог наш, Бог еже миловати..."

Указание в надписании этих молитв на чтении их в скевофилакии и баптистерии говорит о том, что это чтение было связано с хождением в эти части храма, из которых первая — скевофилакия или „малый алтарь" (так называет ее наш русский паломник XII в. в Царьград, архиепископ Новгородский Антоний)[77], находилась в северо-восточной части храма, прилегающей к алтарной конхе[78], вторая же — баптистерий — могла быть как в северной части здания, примыкающей к скевофилакии (в храме св. Софии Константинопольской это была „великая крестильница")[79], так и в юго-западной („малая крестильница")[80]. Хождение после вечерни в эти помещения с чтением в них особых молитв может быть объяснено как своеобразное перенесение иерусалимской литии во Св. двор и на Голгофу в условия обыкновенных храмов, где не было этих св. мест. Коль скоро иерусалимское святогробское богослужение являлось своего рода примером для других центров церковной жизни христианского мира и святогробские богослужебные порядки, как напр. изнесение светильника из пещеры гроба Господня, входы епископа в храм во время самого богослужения, перенимались как священно-традиционные, вполне естественным было перенесение и существовавшего в Иерусалиме исхождения на св. места. Что касается идейных связей этих святых мест с скевофилакией и баптистерием, то их установить было еще легче. Уже ап. Павел указывал на духовную связь между евхаристией и смертью Спасителя: „Всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете" (1 Кор. 11, 26) и в толковании храма с именем св. Иоанна Постника, место для евхаристических приношений или „предложение" сопоставляется с Голгофой — „Предложение же носит образ голгофского места, где был распят Христос"[81].

То же самое следует сказать и по вопросу идейного значения баптистерия. Ап. Павел указывает на идейную связь крещения с смертью Спасителя. „Все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились" (Римл. 6, 3). Святитель же Кирилл Иерусалимский, развивая эту мысль апостола,

---

[77] Саввантов П., Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград. СПб, 1872, стр. 65.

[78] См. у проф. Д. Ф. Беляева, Byzantina, кн. II. СПб, 1893, стр. 119—120, сн. табл. X, и пояснение к ней, стр. 304—307.

[79] Проф. Д. Ф. Беляев, Цит. труд, стр. 145—147, сн. табл. X и пояснение к ней стр. 304—307.

[80] Там же, стр. 96 и 127, сн. табл. X и пояснение к ней, стр. 304—307.

[81] Pitra, Spicilegium Solesmense, t. IV, p. 441.

сравнивает самое шествие крещаемых к купели с несением Христа со креста ко гробу Его — „После сего приведены вы были к святой купели божественного крещения, как Христос со креста несен был к предлежащему гробу“[82]. В свете этих идейных связей величайших христианских таинств крещения и причащения с крестной смертью Спасителя, перенесение иерусалимского обычая исхождения во Св. двор и на Голгофу в другие христианские храмы в виде посещения сосудохранильницы, где хранились не только сосуды для совершения евхаристии, но и запасные Св. Дары, Св. Миро, а равно и в баптистерий, — было вполне закономерным.

Молчание блаж. Симеона об этом исхождении объясняется исчезновением последнего из богослужебной практики Солунской церкви задолго до времени этого святителя. Возможно, что описываемая им лития с выходом иерея из алтаря за амвон представляла собой остаток этого более древнего обычая.

*
* *

Сведения, которыми мы располагаем об антифонах и молитвах песненной вечерни, позволяют восстановить это чинопоследование в следующем виде:

1-е трехпсалмие

Возглас на средине храма: „Благословенно царство...“ Великая ектения, молитва „Господи щедрый... и милостивый...“ и 1-й антифон „Приклони, Господи, ухо Твое...“

Малая ектения, молитва „Господи, да не яростию...“ и 2-й антифон (92 или 15 или др. псалом).

Малая ектения, молитва „Господи, Боже наш, помяни нас...“ и 3-й антифон (неизвестный псалом).

2-е трехпсалмие

Малая ектения, молитва „Вечер и заутра...“ и 140 псалом „Господи, воззвах...“ Вход в алтарь священнослужителей.

Малая ектения, молитва „Господи, Боже Вседержителю, сведый ум человечь...“ и 141 псалом „Гласом моим...“

Малая ектения, молитва „Немолчными песньми...“ и псалом 129 — „Из глубины воззвах...“

Прокимен, сугубая ектения и молитва прилежного моления.

3-е трехпсалмие

Малая ектения, молитва „Благословен еси Господи, Владыко Вседержителю, просветивый день Светом солнечным...“ и 1-й малый антифон — псалом 114.

Малая ектения, молитва „Господи, Господи, избавлей нас от всякия стрелы...“ и 2-й малый антифон — псалом 115.

Малая ектения, молитва „Боже великий и вечный, святый и человеколюбивый...“ и 3-й малый антифон — псалом 116.

Молитвы: оглашенных, 1-я верных и 2-я верных (не всегда).

Молитвы: отпуста — „Боже великий и вышний, един имеяй бессмертие...“

Молитва главопреклонения — „Господи, Боже наш, приклонивый небеса...“

---

[82] II Тайноводственное Слово, гл. 4.

Исхождение с чтением молитв:

в скевофилакии — „Господи Боже наш, сокровище вечных благ...“ и (главопреклонной): „Владыко Святе...“

и в баптистерии — „И ныне благодарим Тя...“ и (главопреклонной): „Господи, Господи, явлением...“

Говоря о составе псалмов и молитв песненной вечерни и их чередовании в ходе самого богослужения, следует сказать несколько слов о кажущемся на первый взгляд странном вступлении доместика с антифонным припевом, когда еще не было произнесено последнее прошение ектении „Пресвятую, Пречистую...“, а равно и о самой фразеологии этих припевов, где первая половина не имела логической связи со второй, например: „Вселенную. Аллилуиа“. Блаж. Симеон Солунский, по свойственной ему тенденции видеть во всех исторически сложившихся богослужебных формах аллегорию истин вероучения, и это „вклинивание“ доместика пытается объяснить идейной связью антифонного запева с прошением „Пресвятую, Пречистую...“ „Поелику,—говорит он,—священник сказал Богу: „Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию...“, то певец присоединяет: „Яко вселенную, Боже, заступи, спаси, помилуй и сохрани посещением Твоим“. Сие означает и „Аллилуиа“, ибо Аллилуиа толкуется посещение, и пришествие, и явление Бога, и оно есть преимущественная хвала домостроительства“[83]. Однако трудно согласиться с таким толкованием, сугубо субъективным, основанным скорее на искусственном подборе фраз, нежели на их логической связи.

Столь своеобразное „вклинивание“ доместика перед прошением „Пресвятую, Пречистую...“ с запевом, состоящим иногда из отдельных бессвязных слов, вроде „Вселенную. Аллилуиа“, имело не символическое, а чисто практическое значение. Распевное исполнение псалма составляло в Древней Церкви, как и у ветхозаветных евреев, неотъемлемую сторону богослужения. Им определялся торжественный тонус его, и в силу такого значения распевности музыкальное начало оказывалось довлеющим на самый порядок отправления чинопоследования. Сам по себе запев первых слов антифона доместиком служил для молящихся образцом напева и средством их музыкальной настройки в том значении, какое имеет в современном церковном пении „задавание тона“. Вступление же доместика не по окончании ектении, а перед последним ее прошением, служило музыкальной связью ектении с антифоном. Доместик в таком случае давал тональную настройку певцам, которые должны были петь антифон, и произносившему ектению священнослужителю, объединяя на основе музыкального начала в целое ектению с ее возгласом и антифон. Таким образом в основе отправления чинопоследования, как единого непрерывного молитвенно-назидательного действа, лежал музыкальный фактор, определивший самое название богослужения как „песненного последования“ (ἀκολουθία ἀσματική).

Широко представленный в богослужении музыкальный элемент, при участии многочисленного клира, придавал песненной вечерне весьма торжественный характер, но зато требовал хороших певцов. Отсутствие последних затрудняло отправление песненных служб. Это была одна из причин исчезновения песненных служб. Совершение песненной вечерни, хотя бы в том не вполне цельном виде, с отсутствием второго и третьего антифонов первого трехпсалмия, но с чередованием молитв и антифонов, как говорит сам блаж. Симеон Солунский, в его время уже составляло редкое явление. Его современники константинопольцы уже не узнавали этого чинопоследования [84]. Возможно, что Солунский храм св. Софии в XV веке был одним из последних мест, где еще совершалось такое богослужение.

---

[83] Ed. cit., col. 629.
[84] Ed. cit., col. 625.

Песненная вечерня с ее насыщенностью мелодическим пением, антифонным исполнением псалмов, торжественным входом священнослужителей составляла принадлежность соборно-приходского богослужения. Наряду с этим в Восточной церкви довольно рано возник иной вид богослужения, в частности, вечернего, известный под названием правила псалмопения (κανὼν τῆς ψαλμῳδίας). Он создавался в IV и V столетиях в монастырях Египта и Палестины. В основе образования чинопоследований этого вида богослужения, как и в песненных последованиях, лежало использование псалтири, как основного богослужебного источника. Вместе с тем создателям этого богослужения не чужды были освященные временем гимны и молитвы, сложенные на основе текстов Священного Писания. Но сама жизнь древних иноков, их быт делали невозможным не только выполнение песненных последований, но и соблюдение обряда возжигания вечернего светильника. Более чем вероятно, что они не совершали этого обряда, так как весьма сомнительно наличие у них нужных для этого предметов: елея или воска и огнива. Равным образом они не могли, в силу своего одинокого пребывания в келлии, ни осуществить антифонное пение, ни совершить обряд входа или исхождения. Наконец, они не могли читать иерейских молитв по той простой причине, что они не имели иерейского сана.

Мнение иноков о том, что ни монах, ни кто другой, не имеющий хиротонии, не должен присваивать себе богослужебных функций иерея и вообще хиротонисованных клириков, прекрасно выражено в беседе аввы Нила Синайского с Иоанном Мосхом и Софронием (впоследствии патриархом Иерусалимским) по поводу богослужения, которое только что совершил авва.

Позволю себе привести этот разговор, вскрывающий всю разницу соборно-приходского и иноческого богослужения, в дословном его изложении, как передает его Иоанн Мосх. Не узнавая в бдении аввы Нила обычного богослужения, которое было известно всей Церкви, Иоанн и Софроний спросили его: „Почто, авва, не храните чин соборныя и апостольския Церкви?“ Авва на это ответил: „Не храняй чин соборныя и апостольския Церкви да будет анафема в нынешнем веце и в будущем“. Собеседники ответили авве, что он сам таков — „како ты сам“ и стали указывать ему его нарушения: „С нощи на вечерни святыя недели ни на Господи воззвах тропаря пет, ни на Свете тихий, ни на Сподоби Господи, ниже́ на каноне Бог Господь, ни на стихологопсаломстей седальни воскресни, ни на песни святых трнех отрок тропаря, но ниже́ на евангелии всяко дыхание. Ни на славословии воскресение Спасово, еже хвалим“. Тогда старец, обратясь к Иоанну, сказал, что иноки ничего этого не совершают не потому, что они хотят нарушить отеческие уставы, а потому, что Церковью установлено все это совершать особым, на то посвященным лицам. „Иноци сие не глаголют, яко да не притворяют себе священничество. И яко да не уставы отеческия разоряюще, горе наследуем. Разоряя убо уставы отеческия и корчемствуя, развращая любо благочестивыя и божественная правила, горе наследует. Сия бо яже рекл еси, певец и чтец суть и иподиакон и презвитер и иже рукоположения имущих, а иже рукоположения не имущим, на сия дерзати не подобает. Сего ради бо и церковный чин поставляет четца и певца, поддиаконы и презвитери. Певца убо за еже пети и начинати с пением и гласом и песнию и преднаставляти люди в Святый Боже и предлежащая и предпевания и олтарная и во происхождение тайнам Иже херувим, и причастная. Четца же на приточныя, и пророческия и апостольския книги и поддиакони же и диаконы за еже служити жертвеннику, презвитеры же за еже священнодействовати и свершати и крещати“. Сказав это, старец спросил своих собеседников: „В божественных службах и в вечерных молбах и нощных бдениих и утрних служениих, кто суть иже аллилуиа и предпевания и прокимены и седалны и чтения и антифоны предвоспевающей и предначинающей?“ Те ответили старцу: „Певцы и четцы

и у поддиаконы". Авва подтвердил их слова: „Право реклы есте", и задал им второй вопрос: „В нарочитыя же праздники и в святыя неделя кто суть иже Бог Господь и в началех канону и в междопеснех пения триех отрок и всяко дыхание и во славословии воскресения Спасова еже хвалим и на концы канону начинающей?" На это Иоанн и Софроний ответили: „Сия и сицевая презвитерская суть. В церковнем бо предании сице прияхом, яко да от иерей предвозглашаются". Авва на это заметил им: „Да како ински укаряете, иже своя мери видящих и устав сборныя церкви хранящих и утверженныя правила, и воображеныя уставы не предваряющих (т. е. не нарушающих устава. — *Н. У.*), но и со мнозем опаством хранящих"? Продолжая развивать свою мысль, старец говорил: „иже рукоположения не имящей и от перей не повелеваеми и в церкви или в келии в певческая влагающеся. Всем благомысленным ведомо есть, яко да сами себе поставляют. Рукоположение бо не приемшей перейския чины и возглашения предвосхищающей, ни мир, ни благочиние, ни единомыслие, но мятеж и безчиние приносят". Собеседники спросили авву, что, быть может, без перея вообще нельзя совершать богослужение? („Что убо кроме перея несть ли мощно кому пети и молитися и чести"). Авва им на это сказал, что он не отрицает такого богослужения — „не се согласую еже престати, не прочитати", но что он просит не присваивать принадлежащего перейскому сану, тем более в храме, — „молю не восхищати саны, ни посвоевати причитания, и паче же в церкви"[85]. Такова была причина, побуждавшая некоторых иноков даже в VII веке оставаться верными древнему правилу псалмопения.

К этому нужно еще добавить, что некоторые аввы относились отрицательно к принятию иноками перейского сана, так что и по переходе монашества от скитского образа жизни к общежительному, многие монастыри продолжали оставаться без иереев. „Монахам,—говорил преп. Пахомий Великий,— полезно не искать чести и начальства, особенно же живущим в киновиях, чтобы из этого не зародились среди единодушных братий зависть и ревность и не расстроили общего согласия. Ибо как малая искра огня, падшая на гумно, если вскоре не будет погашена, в один час истребляет труды целого лета, так помысл любовластия и желание священнического сана, впадши в среду иноков, если вскоро не будут изъяты, все многолетние труды их и все духовные плоды обратят перед Богом в ничто"[86]. Так же смотрел на это один из величайших отцов Палестины преп. Савва Освященный. По словам его биографа — Кирилла Скифопольского — преп. Савва не хотел принять рукоположения в пресвитера, или вообще быть посвященным в служителя церкви. Он говорил, что желание быть причисленным к клиру есть начало и корень честолюбивых мыслей[87]. И не только сам не искал рукоположения, но и никому другому из своих монахов не позволял этого[88].

Преп. Пахомий Великий, когда наступал какой-либо праздник, приглашал священника из ближайших селений, который приходил в монастырь, совершал евхаристию и причащал братию Св. Тайнами [89]. Так же поступал преп. Савва, поручавший совершение богослужения случайно приходившим в лавру священникам [90].

Из опасения возникновения у иноков гордости на почве обладания искусством пения, некоторые подвижники относились отрицательно к са-

---

[85] Никон Черногорец. Пандекты, сл. 29. — Книга преподобного и богоносного отца нашего Никона, игумена Черныя Горы. Написася во святей обители Густине, в монастыре общежительном Прилуцком. 1670, л. 78 об. — 79.

[86] Житие преп. Пахомия Великого. Еп. Феофан, Древние иноческие уставы, М., 1892, стр. 22.

[87] Житие св. Саввы Освященного, изд. проф. И. В. Помяловским. СПб, 1899, стр. 87.

[88] Там же.

[89] Житие преп. Пахомия Великого. Еп. Феофан, цит. труд, стр. 22.

[90] Житие св. Саввы... Цит. труд, стр. 77.

мому мелодическому пению. „Чадо, поучал авва Силуан своего ученика, еже глаголати псалмы со гласом, первая гордыня есть и возношение, рекше аз пою, брат же не поет“ [91]. Они считали, что увлечение искусством пения может отвлечь инока от духовного бодрствования и лишить его через это той кротости, которая лежит в основе самого подвига иночества. „Пение бо ожесточевает сердце и окаменевает и не оставляет душу умилитися. Аще убо хощеши во умиление приити, остави пение“, говорил тот же авва Силуан[92]. Он видел в увлечении пением для монаха причину трудности духовного преуспеяния. Когда ученик сказал авве: „Аз отче отнележе бых мних, чин правила своего и часов по осмогласнику пою“, преподобный ему отвечал: „Сего ради умиление и плач бегает от тебе“[93]. Душевную чистоту и пламенную веру в Бога они предпочитали обладанию знанием. „Смотри, великие отцы, увещевал авва своего ученика, како невежди суще, и разве мало псалом, ни гласы тропаря ведеху и равно светилам в мире просияша. И свидетельствует ми слову отец Павел препростый, и отец Антоние, и отец Памво, и отец Аполос и прочии, иже мертвыя воскресиша и бесы изгнаша не пенми и тропари и гласы, но молитвой и постом, не бо доброслове уст есть спасающи человека, но страх Божий и соблюдение заповедей Его. Пение бо многи в преисподняя сведе, не токмо мирския, но и священники, в блуди и во страсти тех вринув“ [94].

Ко всему этому у некоторых подвижников добавлялся страх за чистоту вероучения в песнопениях, свободно сочиняемых гимнографами. Зная коварство еретиков, распространявших свое лжеучение посредством стихов, написанных в духе народной песни, они осторожно и даже с некоторой подозрительностью относились к гимнам, которые часто представляли свободный перифраз Священного Писания, подчиненный закономерности стихосложения античной языческой поэзии. Они опасались, что угода античным формам поэзии в таких гимнах может послужить, хотя бы и без злого умысла, в ущерб смыслу текста Священного Писания.

Наконец, многих из них смущали самые приемы пения и поведения певцов, позволявших себе излишнее форсирование звука, и мешающие молитвенной сосредоточенности движения рук и всего тела. Эти опасения прекрасно освещены в описании одной беседы аввы Памвы с его учеником. Авва послал своего ученика в Александрию продать для нужд монастыря рукоделие его иноков. Монах, находясь несколько дней в Александрии и ночуя в притворе храма св. ап. Марка, наблюдал тамошний чин богослужения и научился петь тропари. Возвратясь в скит, он стал скучать об этом богослужении. Старец заметил угнетенное состояние духа своего ученика и просил его поведать ему причину этого. Монах на это сказал старцу: „Истинно, отче, в небрежении иждиваем дни жизни нашея в пустыни сей, ниже канонов, ниже тропарей учимся. Шед бо в Александрию, видех чины церковные, како поют, и в печали бех мнозе. Почто и мы не поем каноны и тропари?“ Услышав это, старец отвечал: „Горе нам, чадо, яко приспеша дние, яко да оставят иноцы твердую пищу иже Святым Духом реченную, и последуют песнем и гласом. Кое убо умиление и слезы раждаются от тропарей? Кое умиление бывает иноку, егда стоит в келии или церкви, да возвысит глас свой, яко же волове? Аще бо пред Богом предстоим, во мнозе умилении должны есмы стояти, а не во глумлении. Ибо не изыдоша иноцы из мира, яко предстоять Богови и глумятся, и поют песни и управляют гласы, и потрясают руки и преходят ногами. Но должны есмы в страсе мнозе и трепете со слезами же и воздыханми со благоговением и умилением и кротцем и смиренным гласом молитвы Богови приносити. Се бо глаголю ти, чадо, яко придут дние, егда растлят христиане книги

---

[91] Никон Черногорец, Пандекты, сл. 29. Цит. изд., л. 77.
[92] Там же.
[93] Там же.
[94] Там же.

святых евангелий, и святых апостол, и блаженных пророк, отрывающа Святая Писания и пишуща тропаря и еллинская словеса"[95].

Так смотрели некоторые иноки на церковное пение и в V веке. Некто, монах Павел, по разрушении персами Каппадокии, долго странствовал и, наконец, дойдя до одного из Нитрийских монастырей, поселился в нем, в келье старца. Но скоро он пришел к игумену с просьбой дать ему отдельную келью. Свою просьбу монах мотивировал тем, что якобы старец не держится никакого устава ни в части богослужения, ни в отношении праздников и постов. Свою жалобу монах закончил словами: „Но что хуже всего, это то, что он не позволяет петь канонов и тропарей, что составляет обычное псалмопение у всех". Игумен, уговаривая инока вернуться в келью старца, сказал ему: „Что касается пения тропарей и канонов и употребления мелодических гласов, то это прилично мирским священникам и людям мирским, чтобы привлекать народ в храмы. Монахам же, которые живут вдали от мирского шума, подобные вещи не полезны, но часто бывают вредны, ибо, как рыбак ловит рыбу удочкой на червя, так дьявол приманкой тропарей и пения ввергает в ров тщеславия, человеческих выдумок, жажды наслаждений, наконец, блуда. Поистине подальше пусть будет от монаха, желающего спастись, всякое мелодическое пение"[96].

Эти слова Нитрийского игумена красочно показывают причину отрицательного отношения части монашества IV—V века к вопросу церковного пения и гимнографии, которому соборно-приходское богослужение уделяло в то время весьма важное значение. Высказываясь об этом виде христианского искусства и даже с некоторой резкостью в выражениях, монашествующие не отрицали возможности его существования в церкви вообще. Напротив, они допускали это существование, но только в приходских „мирских" храмах и придавали ему здесь значение как средству привлечения в храм молящихся. „Часове и песни церковные, по словам аввы Варсануфия, соуть предания и добре умышлена быша сглашения ради всех людей"[97]. „Сего бо ради и собираются людие в церквах"[98], говорил авва Силуан. Для монахов же они считали возможным лишь несложное речитативное пение (ψαλμῳδία) и песнопения, представляющие собой тексты Священного Писания. „Помысли, чадо, говорил тот же авва Силуан, колико чинов есть на небеси, и несть писано о них, яко со осмогласником поют; но чин един непрестанно аллилуиа поет. Другий чин свят, свят, свят Господь Саваоф, другий чин — благословенна слава Господня от места и дома Его"[99].

Режим жизни, время и содержание молитвы монаха красочно описаны аввой Варсануфием: „Скитяне же, говорит он, ни часов имут, ни песней глаголют, но наедине рукоделие и поучение и помале молитву. Стоя же на молитве должен еси молити избавитися и свободитися от ветхого человека. Глаголати же и Отче наш, или и обоя, и сести на рукоделие. Аще ли седиши на рукоделии, подобает изучати или глаголати псалмы и на концы некоегождо псалма молитися седящу, яко Боже помилуй мя окаянного. Аще ли стужаем еси, помысли глаголати — Господи, Ты видишь скорбь мою, помози ми. Яко убо сотвориши три рядовы на мрежи, встани на молитву, и преклонь колене, такожде и стоя, твори реченную молитву"[100]. Так, по словам аввы Варсануфия, протекал день инока в молитве и труде. О вечернем же келейном и ночном богослужении иноков авва говорил: „О вечерних же пениих, дванадесять псалмов глаголют скитяне, и на конец коегождо вместо славословия аллилуиа глаголют и творят едину молитву. Такожде и в нощи дванадесять псалмов и по псалмех седают на рукоделие,

---

[95] Никон Черногорец, сл. 29. Цит. труд, л. 77 об.
[96] Pitra, Hymnographie de l'église grecque. Rome, 1867, p. 43.
[97] Никон Черногорец, сл. 29. Цит. изд., л. 199 об.
[98] Там же, л. 77.
[99] Там же.
[100] Там же.

и иже хощет изучает, а иже хощет помысли своя испытует, и жития святых, иногда же и прочитает пять или осм листов, и паки вземлет рукоделие"[101].

Основоположники иноческого правила псалмопения не записывали последнего. В этом не было для них нужды благодаря тому, что они знали наизусть если не всю псалтирь, то многие псалмы.

Из жития преп. Саввы известно, что он требовал от монахов знания правил псалмопения и даже соорудил отдельный от своей лавры монастырек, в который посылал каждого желающего принять в его лавре монашество, с тем, чтобы он там прежде выучил правило псалмопения. И пока ищущий иночества не осваивал этого правила, преподобный не причислял его к братству лавры[102]. Преподобный же Иоанн Лествичник рассказывает об одном подвижнике, преп. Мине, что тот, лежа на земле, прочел наизусть всю псалтирь[103]. Судя по тому, что это знание псалтири не было вменено преп. Мине в особую заслугу, надо полагать, что таким знанием тогда обладали многие иноки.

Самое раннее описание иноческого вечернего богослужения дает Иоанн Мосх в своем рассказе о посещении им и Софронием, впоследствии патриархом Иерусалимским, аввы Нила Синайского. Это очень краткое описание, но оно хорошо характеризует иноческую вечерню. „Пришедшим же нам на вечерняя, говорит Иоанн, начат старец пети Слава Отцу с прочими и рекохом Блажен муж и Господи воззвах без тропарей и по еже рещи Свете тихий и Сподоби Господи начахом глаголати и Ныне отпущаеши с прочими"[104]. (Здесь, видимо, имеются в виду песнопения, входящие в состав „Трисвятого" — Святый Боже, Слава и Ныне, Пресвятая Троице, Отче наш).

Вечерня аввы Нила интересна тем, что она содержит в себе „Господи воззвах...", т. е. псалом, если не все второе трехпсалмие песненной вечерни, составлявшее неизменную часть песненной вечерни, в ней есть древнехристианский вечерний гимн „Свете тихий", когда-то связанный с обрядом светильничного благодарения и почему-то отсутствующий в песненной вечерне блаж. Симеона Солунского и рукописи Иерусал. патр. библ. № 635/305, словно исчезнувший вовсе из этого чинопоследования. Исполнял авва Нил также „Сподоби Господи" и „Ныне отпущаеши", встречающиеся уже в Постановлениях Апостольских. Короче говоря, авва Нил имел в своей вечерне отдельные псалмы, общепринятые на этой службе в церкви, а также и вечерние гимны, сложившиеся в Древней Церкви, но, как говорит Иоанн Мосх, старец, — „ни на Господи воззвах тропаря нет, ни на Свете тихий, ни на Сподоби Господи". В этом отношении авва Нил поступал как упомянутые выше египетские старцы: Силуан, Памво и др.

Один из ранних орологионов, в котором содержится вечернее иноческое правило, это — орологион лавры преп. Саввы Освященного, относящийся к VIII—IX столетиям (Син. библ. № 863)[105]. Состав этого правила следующий: 103, 12, 112 псалмы, затем 118 псалом, разделенный на три славы, и псалмы 120, 129, 140 и 116. К словам последнего „Яко утвердися милость Его на нас" непосредственно примыкает „Свете тихий...", стихи нынешнего прокимна „Господь воцарися...", которые указано петь с „Аллилуиа", „Сподоби Господи...", „Ныне отпущаеши..." и „Святый Боже..." Здесь, как и в вечерне аввы Нила Синайского, имеются псалмы общие с песненной вечерней, а именно: 129, 140 и 116. Интересно, что та группа псалмов, куда

---

[101] Никон Черногорец, цит. изд., л. 70.

[102]. Житие св. Саввы... Цит. изд., стр. 132.

[103] Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица в русском переводе. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1901, стр. 35—36, сл. 4, гл. 34.

[104] Никон Черногорец, Пандекты, сл. 29. Цит. изд., л. 78.

[105] Рукопись описана в статье проф. А. А. Дмитриевского „Что такое κανὼν τῆς ψαλμῳδίας? " в журнале „Руководство для сельских пастырей". Киев, 1889, № 38, стр. 69—73, а раньше архим. Антонином Капустиным в очерке „Из записок синайского богомольца". Труды Киевск. дух. акад. 1873, кн. III, стр. 411—412.

входят эти три псалма, следует после ряда других псалмов, занимая место сходное с тем, какое принадлежит 140 и 129 псалмам и на песненной вечерне. Кроме того, здесь имеются, как и в вечерне аввы Нила, древнехристианские гимны „Свете тихий", „Сподоби Господи" и „Ныне отпущаеши". Это еще раз подтверждает сказанное, что иноки в основу своего правила псалмопения полагали те псалмы и песнопения, которые были известны и являлись традиционными для той или иной суточной службы еще в Древней Церкви.

Обзор вечернего богослужения аввы Нила и вечернего иноческого правила псалмопения по орологиону лавры преп. Саввы Освященного по рукописи Син. библ. № 863 показывает происхождение элементов чина православной вечерни: 103 псалма, кафизмы „Блажен муж", „Свете тихий", „Сподоби Господи" и „Ныне отпущаеши". Они вошли в этот чин из палестинского иноческого правила. Нет в приведенных памятниках иноческого правила псалмопения 141-го псалма. Судя по тому, что состав псалмов древнеиноческих правил был вообще разнообразен[106], можно полагать, что этот псалом также мог быть общим для иноческого правила и песненной вечерни, и только отсутствие памятника, подобного приведенным, не позволяет это подтвердить. Что же касается ектений, светильничных молитв и обряда входа, а также главопреклонной молитвы современной вечерни, то это, конечно, элементы собственно песненной вечерни, уцелевшие в процессе слияния двух различных видов богослужения — соборно-приходского и монастырского.

*

* *

Изучение процесса трансформации песненной вечерни и слияния ее с правилом псалмопения во всех деталях этого вопроса представляет собой проблему, которую трудно и, быть может, даже невозможно, разрешить за отсутствием нужных для этого источников. Вопрос усложняется еще благодаря тому, что самый процесс вытеснения песненных последований элементами иноческого богослужения протекал в разных центрах церковной жизни Православного Востока не одновременно. Блаж. Симеон совершал в Солуни песненные чинопоследования в средине XV века, в Константинополе же, как уже отмечалось выше, эти чинопоследования были оставлены в начале XIII века по причине взятия его крестоносцами (1204 г.)[107]. В Иерусалиме они, по-видимому, прекратили свое существование еще раньше, в связи с погромом, учиненным калифом Хакемом в 1009 г. [108].

В силу указанных причин остается возможным установление этого процесса лишь в общих чертах, без конкретизации времени возникновения тех или иных изменений в чине вечерни.

Изменения в чине вечерни происходили в первую очередь во второй ее половине, т. е. в той части, которая совершалась после обряда входа. Это касалось малых антифонов, чтения молитв об оглашенных и верных и исхождения в скевофилакию и баптистерий.

Сами по себе малые антифоны не составляли собственно вечернего элемента богослужения. Вечерний вход в алтарь, как и подобные входы на других песненных чинопоследованиях суточного богослужебного круга, благодаря своей торжественности являлся кульминационным пунктом действа чина. Такое значение эти входы начали получать еще в Иеруса-

---

[106] А. И. Диаковский, Последование часов и изобразительных. Киев, 1913, стр. 77—78, 176 и др.

[107] Прот. М. А. Лисицын, Первоначальный славяно-русский типикон. СПб., 1911, стр. 9.

[108] Проф. А. А. Дмитриевский, Древнейшие патр. типиконы, стр. 79, 81, 213.

лиме, где епископ приходил в конце богослужения, чтобы прочитать завершающие службы молитвы и преподать молящимся благословение. Малые антифоны, следуя за вечерним входом, носили характер дополнительной части к чину, органически не вытекающей из всего предшествующего им богослужебного действа. По-видимому, такое значение придавал им блаж. Симеон Солунский, выделивший описание этой части вечерни в особую главу своего повествования.

Это было древнее дополнение к чину вечерни, вызванное связью вечернего богослужения с литургией, и значение его, т. е. этого дополнения, становится понятным в свете 56-го правила Лаодикийского собора: „Не должно пресвитерам прежде входа епископа входити и сидети в алтаре, но с епископом входити, кроме случаев, когда епископ немощен или в отсутствии"[109]. Согласно этому правилу доступ в алтарь никому не разрешался до вечернего входа епископа. Это обстоятельство лишало клириков возможности приготовить в алтаре до начала литургии, которая должна была следовать сразу после вечерни, все необходимое для ее совершения. Приготовления же после вечернего входа вызывали нежелательный перерыв в самом богослужении. Введение малых антифонов имело в виду заполнение этого перерыва. Связь малых антифонов с литургией подтверждается наличием этих же антифонов и в начале современной литургии (в Русской Церкви в господские, а в греческой и в богородичные двунадесятые праздники). Это практическое назначение малые антифоны сохраняли еще в V веке там, где в это время, как напр. в Египте и Фиванде, евхаристия совершалась вечером [110]. С повсеместным перенесением евхаристии на утро, малые антифоны утратили свое настоящее значение и должны были постепенно выйти из богослужебной практики. Так, Патмосский список устава Великой Константинопольской церкви (IX—Хв.) указывает их совершение на вечерне недели Ваий [111], в навечерие Рождества Христова[112] и Богоявления [113], а в великую субботу, вечерняя служба которой конструктивно весьма сходна с навечериями упомянутых праздников, отменяет их (εὐχὴ δὲ οὐ γίνεται, ἀντίφωνα οὐ λέγονται)[114].

Такова же была судьба молитвы оглашенных, а вместе с ней и молитв верных. Это древнее установление, детально разработанное в VIII книге Постановлений Апостольских [115], где сами оглашенные разделяются на разряды и для каждого разряда полагается особая молитва, судя по описанию иерусалимского богослужения Этерией, уже в IV веке подверглось известному сокращению в виде чтения одной общей молитвы для всех оглашенных.

С исчезновением в V веке института оглашенных [116], они продолжали еще существовать, как существуют до настоящего времени подобные молитвы в чине литургии, но в евхологионах XI в. уже встречается замечание о том, что эти молитвы читаются только накануне постных дней — среды и пятницы, и лишь при условии, если в эти дни не случится память празднуемого святого и не совершается литургия и лития [117]. В евхологионах последующих столетий сами эти молитвы и это замечание об ограничении и условном чтении их уже составляют крайнюю редкость.

С исчезновением института оглашенных и практики крещения взрослых, исчезли в архитектуре храмов баптистерии, а строительство небольших

---

[109] Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец. М., 1914, стр. 177.
[110] Сократ Схоластик, Церковная история, V, 22.
[111] Τυπικά, ч. I. стр. 127.
[112] Там же, стр. 35.
[113] Там же, стр. 40.
[114] Там же, стр. 134.
[115] Гл. 6—9.
[116] Проф. А. И. Алмазов, История чинопоследований крещения и миропомазания. Казань. 1884. стр. 65.
[117] Εὐχολόγια, т. II, стр. 1001, и Goar, Εὐχολόγιον, p. 36.

храмов, в которых „предложение“ располагалось в углу алтарной части храма, привело к утрате скевофилакии, как самостоятельного помещения. Эти обстоятельства привели, в свою очередь, к исчезновению самого исхождения в скевофилакию и баптистерий. Читавшиеся в них молитвы встречаются в евхологионах еще реже, чем молитвы оглашенных и верных.

Изменение церковной действительности: перенесение евхаристии с вечернего времени на утро, исчезновение института оглашенных, отсутствие в храмах баптистерия и скевофилакии — были одной из причин трансформации песненной вечерни.

Другой причиной была непосильность совершения песненных последований вообще в храмах с незначительным составом клира при отсутствии искусных певцов. Последнее обстоятельство особенно давало себя знать при неблагоприятных внешних обстоятельствах жизни Церкви, каковыми могли быть всякого вида военные действия. По этой причине предан был забвению в XI веке устав песненных служб Иерусалимского храма Воскресения; по той же причине прекратились песненные последования в Константинополе в самом начале XIII века. По этой же причине они были оставлены в Русской церкви в средине XIII в., когда Русь подверглась татарскому нашествию[118], и сохранялись лишь в Новгородских пределах, оказавшихся недоступными для монгольских орд, пока падение этого города в 1478 г. не привело к забвению этого устава и здесь [119]. Во всех этих случаях соборные и приходские храмы обращались к иноческому богослужению, как не требующему ни многочисленного клира, ни искусных певцов.

Путь к слиянию богослужебных порядков соборно-приходских храмов с монастырскими был намечен еще в V веке. Активное участие монахов в борьбе Церкви с ересями выдвинуло иноков кандидатами на епископские и даже патриаршие кафедры. Совершая иноческое правило псалмопения изо дня в день в течение многих лет своего пребывания в монастыре, они не оставляли его и по возведении их на епископские кафедры и, в силу своего положения, могли отдельные элементы этого правила свободно вводить в богослужение.

К этому надо добавить, что у самих монашествующих постепенно изменился взгляд на искусство церковного пения и гимнографию. Еще преп. Иоанн Кассиан наблюдал, что некоторые египетские монахи, отправляя правило псалмопения всем братством, исполняли псалмы антифонно и на разные распевы (antiphonarum protelatos melodiis et adjunctione quarundam modulationum debere dici singulis noetibus censuerunt)[120]. Преп. Савва Освященный († 529 г.) повелел, чтобы в его лавре правило псалмопения исполнялось братством мелодически (μετὰ μέλους)[121].

От отрицания песнотворчества, как могущего „растлить“ Священное Писание, иноки перешли к сочинению стихир, тропарей, канонов, в которых стали излагать догматы Церкви. Некоторые монастыри стали своего рода школами песнотворчества. Такой была лавра преп. Саввы Освященного, где жили славные песнописцы: патр. Софроний († 644 г.), преп. Иоанн Дамаскин († ок. 780 г.), преп. Косма, еп. Майумский († ок. 787 г.), преп. Стефан Саввант († ок. 795 г.), преп. Феофан Начертанный († ок. 850 г.). Немного позднее такое же значение получил Студийский монастырь, давший славных песнописцев: преп. Феодора († 826 г.), его брата св. Иосифа, архиеп. Солунского († ок. 825 г.), преп. Николая, Климента, Киприана. Составляя стихиры, каноны и др. песнопения, иноки-песнописцы вносили их прежде всего в правило псалмопения в своих монастырях, а отсюда это украшенное песнопениями правило входило в целом ли своем составе или в отдельных частях в богослужебную практику других монастырей

---

[118] Прот. М. А. Лисицын. Цит. труд, стр. 29.
[119] Там же, стр. 31.
[120] Instit. coenobiorum. II, 2. Migne, P.L., t. 49, col. 78.
[121] Житие св. Саввы Освященного. Цит. изд., стр. 230.

и даже приходских храмов, в которых исполнение песненных последований оказывалось непосильным делом.

Как происходило слияние иноческого правила с песненным последованием — можно видеть из приводимых ниже чинов вечерни. Рукопись Син. библ. № 105, XIII в., содержит следующий интересный с этой стороны чин:

„Когда диакон облачится и ударят в медное, диакон, став перед алтарем и сотворив три поклона, говорит: „Благослови Владыко", и тотчас иерей: „Благословенно царство..." Затем екклисиарх: „Приидите поклонимся..." Иерей говорит молитву первого антифона — „Господи щедрый и милостивый, долготерпеливе и многомилостиве..." Диакон: „Миром..., О свышнем..." и т. д. вся великая ектения. После возгласа народ: „Аминь" и, обратясь, иерей благословляет народ и говорит: „Мир всем". Народ: „И духови твоему". Затем говорит иерей молитву антифона: „Господи, да не яростию Твоею..." Диакон: „Паки и паки..., Заступи, спаси..., Пресвятую..." Иерей: „Яко Твоя держава..., Мир всем". Молитва третьего антифона: „Господи, Боже наш, помяни нас грешных". Диакон: „Паки и паки..." и т. д. Иерей: „Яко благ и человеколюбец Бог..., Мир всем..." Молитва перед „Господи воззвах..." — „Вечер и заутра и полудне..." Диакон: „Паки и паки..." и т. д. Иерей: „Яко подобает Тебе всякая слава..., Мир всем..." Молитва на „Из глубины воззвах" — „Немолчными песньми и непрестанными славословленьми..." Затем исшед кадит народ и в богородичен входит с кадильницей, говорит же внутри, преклонив колена, молитву „Благословен вход святых Твоих Христе со безначальным Твоим Отцом и животворящим Твоим Духом, ныне и присно..." Когда же имеет в виду войти во врата, диакон говорит: „Премудрость, прости". Затем народ: „Свете тихий..."

По исполнении сего говорит диакон (иерей): „Мир всем", диакон: „Премудрость". Затем прокимен. По окончании его говорятся пророчества, если положены; если же нет, говорит диакон ектению, иерей же стоит во вратах. „Рцем вси", народ — „Господи помилуй". „От всея души... Господи Вседержителю..., Помилуй нас по велицей милости..." Когда же народ говорит „Господи помилуй", иерей молитву ектении: „Господи, Боже наш, прилежное сие моление..." Диакон: „Еще молимся о еже милостиву благоуветливу и удобопримириму быти человеколюбивому Богу ко грехом нашим..., О рабе Божием имярек и о всем во Христе братстве нашем, здравии, спасении..." И здесь поминай живых, их же хощешь". „О здравии, спасении и оставлении грехов всех... О блаженней памяти преставльшихся..., О прежде почивших отцах, игуменах и братиях..., Еще молимся о оставльшихся и во отшествии сущих, о исцелении в немощех лежащих, о покои, ослабе и блаженной памяти, оставлении грехов всех прежде почивших..." Затем говорит иерей возглас: „Яко милостив и человеколюбец Бог еси..." Затем: „Сподоби Господи..." и тотчас диакон ектению: „Исполним молитву..." Иерей говорит молитву. Молитва по „Сподоби..." — „Боже великий и вышний, един имеяй бессмертие...", „Исполним вечернюю молитву..." и т. д. Иерей велегласно: „Яко благ и человеколюбец Бог еси и Тебе славу воссылаем..., Мир всем". Диакон: „Главы наша..." Иерей молитву: „Господи, Боже наш, преклонивый небеса..." Возглас: „Буди держава царствия Твоего благословена и препрославлена Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков". Молитва отпуста вечерни: „Преблагий Господи, Боже наш, преклонивый день к вечеру и давый нам насладитися от всех сотворенных премудростию Твоею. Сам Владыко, приими моление наше яко кадило пред Тобою и да не зайдет во гневе от грехов наших солнце правды Твоея, но восстави нас и соедини предстательством Пресвятыя Богородицы и всех святых Твоих, умири жизнь нашу, благоприятну сотвори молитву нашу и помяни всех братий наших и царствия Твоего всех нас сподоби". По отпусте говорит

диакон: „Премудрость". Народ: „Благословен святый". Иерей: „Сый благословен Христос Бог, всегда..."[122].

Чин начинается обычным для песненных последований возгласом „Благословенно царство..." И хотя далее появляется неизвестное этим последованиям „Приидите поклонимся..." и антифоны первого трехпсалмия уже успели исчезнуть, вечерня в первой своей части еще сохраняет следы песненного последования. Это — гласное чтение антифонных молитв, которые отделяются одна от другой ектениями. Ектениями отделяются и антифоны второго трехпсалмия, так что молитвы „Вечер, заутра и полудне..." и „Немолчными песньми и непрестанными славословленьми..." читаются в связи с пением псалмов, к которым они относятся. Вечерний же вход отделился от псалма „Господи воззвах..." Его совершают по исполнении всех псалмов с пением „Свете тихий..." Дальнейшая часть вечерни весьма приближается к современному виду. Малые антифоны с ектениями и молитвами перед ними исчезли, и между сугубой и просительной ектениями появилось „Сподоби Господи..." Молитва же отпуста „Боже великий и вышний, един имеяй бессмертие..." с нарушением трехантифонного строя этой части вечерни потеряла свое значение молитвы отпуста. Она здесь надписывается как „Молитва по Сподоби". Это обстоятельство в свою очередь вызвало появление в конце вечерни новой молитвы отпуста: „Преблагий Господи..." Но песнь Симеона Богоприимца, упоминаемая Иоанном Мосхом в описании иноческого правила псалмопения, совершавшегося аввой Нилом Синайским, и известная орологиону лавры преп. Саввы Освященного, VIII—IX вв. (Син. библ. № 863), отсутствует.

Другая рукопись Син. библ. № 973, 1153 г., содержит чин вечерни, где процесс трансформации песненного чинопоследования достигает своего апогея.

„Последование с Богом вечерни. Диакон говорит: „Благослови Владыко". „Благословенно царство..." Народ говорит: „Благослови душе моя..." и тотчас диакон: „Миром Господу..." Молитва вечерни — „Вечер и заутра и полудне..." Прочие молитвы найдешь в литургии святой Четыредесятницы. „Заступи, спаси..." и тотчас „Господи воззвах...", стихиры, „Свете тихий..." и тотчас диакон: „Вонмем. Мир всем. Премудрость", и тотчас прокимен. Диакон: „Рцем вси..." и т. д. Молитва: „Господи, Боже наш, прилежное сие..." Возглас: „Яко милостив и человеколюбец..." Народ: „Сподоби Господи..." Затем стихиры, „Ныне отпущаеши..." Возглас: „Яко Твое есть царство..." и тотчас тропарь дня, и тотчас диакон: „Исполним вечернюю..." Иерей говорит молитву: „Боже великий и вышний, един имеяй бессмертие..." Возглас: „Яко благ и человеколюбец Бог..." Молитва главопреклонения: „Господи, Боже наш, приклонивый небеса..." Возглас: „Буди держава царствия Твоего..., Премудрость". Народ: „О имени Господни..., Благословен святый, благослови всех..., Сый благословен Бог наш всегда..." Народ: „Аминь. Утверди Боже..." и отпускает"[123].

В этом чине исчезли не только антифоны первого трехпсалмия, но и малые ектении их, так что конструктивная сторона песненного последования в данном случае оказывается вовсе утраченной. Светильничные молитвы, будучи объединены, читаются вместе после 103 псалма во время великой ектении, так что за последней сразу же следует „Господи воззвах..." Вторая часть вечерни после „Свете тихий..." в целом сходна с той же частью по предыдущему памятнику, но кроме того в ней имеется „Ныне отпущаеши...", отсутствовавшее в предыдущем примере. От современного чина вечерни рассматриваемый по существу отличается лишь отсутствием кафизмы „Блажен муж..."

---

[122] Проф. А. А. Дмитриевский, Εὐχολόγια, стр. 161—162.
[123] Там же, стр. 88.

Итак, процесс слияния песненной вечерни с иноческим вечерним правилом происходил под знаком постепенного исчезновения в чине вечерни псалмов-антифонов, их ектений и части молитв, а также введения в чин, вместо исчезнувших в нем элементов, новых, заимствованных как из иноческого правила псалмопения, так и созданных в более позднее время иноками-гимнографами.

Влияние иноческого правила псалмопения на соборно-приходское богослужение не ограничивалось конструктивным изменением чинопоследования вечерни и внесением в нее новых песнопений — псалмов и молитвословий. Оно привело к большому ограничению элементов, унаследованных песненной вечерней от Иерусалимского Святогробского богослужения. Послевечернее исхождение или лития, согласно сообщению Этерии совершавшаяся в Иерусалиме ежедневно, а в богослужебной практике блаж. Симеона Солунского составлявшая непременную принадлежность воскресной песненной вечерни, по-видимому сохранилась только в палестинских монастырях и, в частности, в лавре преп. Саввы Освященного. В последней она совершалась на субботнем бдении и в некоторые воскресные дни после вечерни[124].

Чин этого исхождения сохранился в Иерусалимском уставе Син. библ. № 1096, XII—XIII вв.: „Поем стихиру святого, говорит устав, по гласу октоиха, исходим на гроб святого и становимся кругом во святой ограде, иерей же кадит гроб святого, затем игумена и всех прочих братий, начав от правой стороны и делая круг, идет в левую сторону ко гробу святого. По исполнении же стихиры святого, слава и ныне, богородичен 3 гласа и по исполнении говорит иерей: „Паки прилежно Господу помолимся“, мы же „Господи помилуй“ один раз. Иерей же: „Еще о преподобных отцах наших игуменах (как записаны в диптихе от преподобного и богоносного отца нашего Саввы до последнего), мы же „Господи помилуй“ трижды; иерей: „Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию и преподобного и богоносного отца нашего Савву со всеми святыми помянувше...“ Мы же: „Тебе Господи“. Иерей же сию молитву: „Спаси Боже люди Твоя и благослови достояние Твое...“ Мы: „Господи помилуй“ 50 раз. Затем иерей: „Еще молимся об оставлении грехов раба Божия... монаха и о всем во Христе братстве нашем, и о всякой душе христиан притесняемых...“ (θλιβομένων). Мы: „Господи помилуй“ 50 раз. Затем поминает иерей и читает поименно живых и умерших христолюбцев, которые по уставу имеются в диптихе, и после этого возглас: „Услыши ны Боже, Спасителю наш..., Мир всем..., Главы наша...“ И нам преклонишим колена иерей молится велегласно и читает: „Владыко многомилостиве, Господи...“ (На всех молитвах поминается имя святого Саввы)[125].

Что касается уставов константинопольского происхождения, то они не указывают совершать вечернюю литию и на великие праздники[126], и даже на храмовые[127].

Равным образом, обряд вечернего входа из повседневного стал принадлежностью только праздничного богослужения, вызвав тем самым деление вечерни на два вида: великую [128] (со входом) и вседневную (без входа).

---

[124] См., напр., рукопись Син. библ. № 1096, XII—XIII вв. — Проф. А. А. Дмитриевский, Τυπικά, ч. II, стр. 21—23, 34—35. См. там же, стр. 57.

[125] Рукопись Син.библ. № 1096, XII—XIII вв., Τυπικά, ч. II, стр. 22.

[126] См., напр., Студийско-Алексиевский устав Моск. Син. библ. № 330/380, XII—XIII вв. — Проф. Е. Е. Голубинский, История Русской церкви, т. 1, 2-я половина, стр. 494, 496.

[127] См. устав Евергетитского монастыря по рукописи Афинского университета № 788, XI—XII вв. — Проф. А. А. Дмитриевский, Τυπικά, ч. I, стр. 364.

[128] Иногда этот термин понимают, как указывающий на особенную продолжительность праздничной вечерни сравнительно с вседневной, между тем это неверно. Вседневная вечерня, совершаемая с соблюдением всех установлений церковного устава,

Когда сложился новый вид вечерни — монастырско-приходский, это остается неизвестным за отсутствием литургических памятников с этим чинопоследованием от X века и раньше его. Из беседы аввы Нила с Иоанном Мосхом и Софронием можно заключить, что он уже формировался в их время (VII в.). Ко времени Никона Черногорца (XI в.) он так прочно сложился и настолько стал известным во всей Восточной церкви, что Никон, имея под руками различные списки существовавших в его время на Востоке, как общеизвестных, монастырских уставов: Иерусалимского, Студийского, Святогорского [129], мог разграничить в своем тактиконе вечерню с входом, как праздничную, и без входа, как вседневную (по терминологии Никона — „вседневное кадило")[130]. Он мог регламентировать количество и состав стихир, поемых на „Господи воззвах..." и на стиховне[131], время совершения каждения [132] и дни года, в которые полагалась на вечерне кафизма [133].

Однако и после Никона Черногорца монастырско-приходский чин вечерни подвергался влиянию порядков, сложившихся в богослужебной практике соборных храмов в пору существования в них песненных последований. Не малое значение в этом отношении имела также смена самих монастырских уставов и, в частности, начавшееся еще в XIII веке повсеместное распространение на Православном Востоке Иерусалимского устава, до этого времени имевшего значение местного палестинского.

В силу сказанного современный греческий чин вечерни отличается от того, который изложен в более ранних, сохранившихся от XII—XIII вв., списках устава, как и от современного чина Русской церкви.

Первую такую особенность составляет исполнение предначинательного псалма на великой вечерне. Надо заметить, что древние ктиторские уставы константинопольских монастырей ничего не говорят о каком-либо особом способе исполнения 103 псалма, даже на великие праздники. Они ограничиваются общим выражением «καὶ λέγομεν» (т. е. „и глаголем") [134], как правило, указывающим на псалмодическое чтение, а не на пение. Иерусалимский устав указывает особый способ исполнения этого псалма, но только на всенощном бдении. Он предписывает начинать псалом екклисиарху „высочайшим гласом" — (γεγενωτέρα φωνῇ) — и петь на 8-й глас медленно, мелодически (αργῶς καὶ μετὰ μέλους), так чтобы и оба хора братии вместе с екклисиархом подпевали стихи псалма «συμφαλλόντων καὶ τῶν λοιπῶν, ἀδελφῶν τῶν ἐν τοῖς δύο χοροῖς». Такое пение полагалось до стиха „Отверзшу Тебе руку". Этот же стих екклисиарх исполнял еще более высоким звуком — ('αναφέρει τὸν στίχον ὑψηλότερον) — и далее псалом исполнялся постишно с канонарханием его по хорам (οὐκ ἐν τῷ μέσῳ παρ' ἀμφοτέρων τῶν μέρων, ἀλλ' ἰδία καὶ ἰδία ἀνὰ μέρος)[135]. Но никаких припевов, которые прилагались бы к стихам псалма, устав не называет. Позднее блаж. Симеон Солунский уже говорит, что „за каждым стихом все славословят

касающихся этого чинопоследования, — с чтением полной кафизмы, с пением всех светильничных псалмов, стихир на „Господи, воззвах" и на стиховне — занимает времени не меньше, чем обычная великая вечерня, где вместо целой кафизмы положен один антифон „Блажен муж..." Свое название „великая" эта вечерня заимствовала от великих церквей — Великой Константинопольской Церкви, Иерусалимского храма Св. Воскресения и др., где когда-то вечерний вход составлял неотъемлемый обряд этого богослужения. Иначе говоря, великая вечерня — это вечерня, совершаемая по примеру великих церквей со входом. Таким образом самый обряд входа служит основным признаком, по которому великая вечерня отличается от вседневной.

[129] Тактикон, сл. I. Цит. изд., л. 12.

[130] Там же, л. 1 и 3.

[131] Там же, л. 1.

[132] Там же.

[133]. Там же, л. 3 об. и 4.

[134] См., напр., Типикон Евергетитского монастыря по рукописи Афинского университета № 788, XI—XII вв. Τυπικά, ч. I, стр. 431.

[135] См., напр., рукопись Афоно-Ватопедской библ. № 320 (931) 1346 г., Τυπικά, ч. II, стр. 424.

Троицу, Которая есть Создатель всего"[136]. Современный же иератикон, указывая на пение припевов, называет последние аниксантариями (μέλλωσι ψάλται τὰ Ἀνιξαντάρια...)[137]. Так как аниксантарии не изложены ни в типиконе Христовой Великой Церкви, которым руководствуется в настоящее время Греческая церковь, ни в орологионе, а записываются певцами в их тетрадях и в русской литургической литературе вовсе неизвестны, я позволю себе привести их текст полностью [138].

1. Отверзшу Тебе руку всяческая исполнятся благости.
2. Отвращшу же Тебе лице возмятутся.
   Слава Тебе, Боже.
3. Отъимеши дух их, и исчезнут.
4. И в персть свою возвратятся.
   Слава Тебе Отче,
   Слава Тебе Сыне,
   Слава Тебе Душе Святый,
   Слава Тебе Боже.
5. Послеши Духа Твоего и созиждутся.
6. И обновиши лице земли.
   Слава Тебе Боже.
7. Буди слава Господня во веки.
8. Возвеселится Господь о делех Своих.
   Слава Тебе Святый,
   Слава Тебе Господи,
   Слава Тебе Царю Небесный,
   Слава Тебе Боже.
9. Призираяй на землю, и творяй ю трястися.
10. Прикасаяйся горам, и дымятся.
    Слава Тебе Святый,
    Слава Тебе Господи,
    Слава Тебе Царю Небесный,
    Слава Тебе Душе Святый,
    Слава Тебе,
    Слава Тебе Боже.
11. Воспою Господеви в животе моем.
12. Пою Богу моему дондеже есмь.
    Слава Тебе Триипостасное Божество,
    Отче, Сыне и Душе,
    Тебе покланяемся и Тя славим,
    Слава Тебе Боже.
13. Да усладится ему беседа моя.
14. Аз же возвеселюся о Господе.
    Слава Тебе Отче безначальный,
    Слава Тебе Сыне собезначальный,
    Слава Тебе Душе Святый,
    Единосущный и сопрестольный,
    Троице Святая, слава Тебе.
    Слава Тебе Боже.
15. Да исчезнут грешницы от земли.
16. И беззаконницы якоже не быти им.
    Слава Тебе Отче,
    Слава Тебе Сыне,
    Слава Тебе Душе Святый,
    Троице святая, слава Тебе,
    Слава Тебе Боже.
17. Благослови душе моя Господа.

---

[136] Цит. труд., Migne, P. Gr., t. 155, col. 597.

[137] Ἱερατικὸν ἔκδοσις τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης ἐκκλησίας. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1895, σελ. 2.

[138] Этот текст получен был мною от светлой памяти моего учителя — проф. А. А. Дмитриевского, который выписал его из певческой тетради в бытность свою на Афоне.

18. Солнце позна запад свой, положил еси тьму и бысть нощь.
Слава Тебе Царю Небесный,
Слава Тебе Вседержителю,
С Сыном и Духом,
Слава Тебе Боже.

19. Яко возвеличишася дела Твоя Господи.

20. Вся премудростию сотворил еси.

Слава Тебе Отче безначальный нерожденный,
Слава Тебе Сыне рожденный,
Слава Тебе Душе Святый,
От Отца исходяй и в Сыне почиваяй,
Троице Святая слава Тебе,
Слава Тебе Боже.

21. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

22. И ныне и присно и во веки веков. Аминь.
Слава Тебе Господи, сотворившему вся,
Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа,
Слава Тебе, Боже (трижды).

Своим построением аниксантарии напоминают псалмы-антифоны древней песненной вечерни, исполнявшиеся с особыми припевами к ним. Краткий припев „Слава Тебе, Боже", когда-то прилагавшийся там к первому псалму-антифону „Приклони, Господи, ухо Твое", здесь развит до многострочных славословий, текстуально меняющихся с каждой новой парой псаломских стихов, так что их можно назвать новым видом греческого песнотворчества, возникшим на основе соединения древней традиции песненного исполнения псалмов с монастырским порядком пения предначинательного псалма по Иерусалимскому уставу. Что касается содержания аниксантариев, то они, как видно, посвящены прославлению Триипостасного Божества, как Первопричины мироздания, описываемого в 103 псалме.

Вторую особенность современного чина греческой вечерни составляет исполнение кафизмы „Блажен муж..." Эта кафизма, когда-то заменившая собой антифоны первого трехпсалмия песненной вечерни, откуда идет самое название ее „слав" антифонами, и исполнявшаяся прежде так, что после каждого антифона полагалась малая ектения [139] (как это было и на песненной вечерне), теперь читается (а не поется) с подразделением на „славы" (как обычно отправляются кафизмы). О таком исполнении „Блажен муж..." Арсений Суханов писал: „Став псаломщик посреди церкви говорит: „блажен муж", пением не поют николи нигде кафизмы „Макариос анир", сиречь „Блажен муж", а на первой и на второй славе аллилуиа говорят, а на правом крылосе на третьей славе говорит сам псаломщик, якоже писано в повседневной службе; аще ли едина слава, то псаломщик говорит, который говорит псалтирь, слава и ныне по чину, якоже выше писано"[140].

Исключение составляет Афон, где первый антифон „Блажен муж..." еще исполняется антифонно хорами (на 8-й глас)[141], занимая около получаса времени[142].

Как уже было сказано выше, вечерний вход, когда-то составлявший неотъемлемый обряд песненной вечерни, в монастырско-приходском чине подвергся известному ограничению. Он стал принадлежностью только праздничного богослужения. Но, будучи ограничен с этой стороны, он сохраняет до сего времени торжественность обстановки (разумеется там, где это

---

[139] См., напр., рукопись Син. библ. № 1097, 1214 г. — Проф. А. А. Дмитриевский, Τυπικά, ч. II, стр. 400, прав. столбец.

[140] Проскинитарий Арсения Суханова. Правосл. Палест. сборник, т. VII, вып. 3. СПб., 1889, стр. 212.

[141] См., напр., типикон Русского Пантелеймонова монастыря. Проф. А. А. Дмитриевский, Τυπικά, ч. II, стр. 562.

[142] „Блажен муж... все три псалма пели нараспев по стихам с полчаса". Инок Парфений, Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле, ч. III. М., 1856, стр. 81.

возможно), которую он имел в эпоху действия уставов великих церквей. И теперь на Православном Востоке, как в приходских храмах, так и в монастырях, вход на великой вечерне, там где есть несколько иереев, совершается соборно. Во время пения светильничных псалмов присутствующие в храме иереи и диаконы принимают благословение от стоящего на солее близ правого клироса епископа или игумена, входят в алтарь, целуют евангелие и престол и облачаются: иереи в епитрахиль и фелонь, а диаконы в стихарь. Когда же хор запоет богородичен, они в преднесении светильников выходят один за другим на средину храма и образуют здесь полукруг, открытый к востоку. Диакон возглашает: „Премудрость, прости" и священнослужители медленно и величественно поют „Свете тихий..." И когда они допоют до слов „пришедше на запад солнца", тогда диакон начинает кадить прилегающие к св. вратам иконы, затем священнослужителей, начиная от стоящего на солее епископа или игумена, клиросы и молящихся. При словах же „поем Отца, Сына и Святаго Духа Бога" иереи попарно входят святыми вратами в алтарь и, став по обе стороны престола, доканчивают гимн[143].

Этот торжественный момент греческой великой вечерни прекрасно освещен русским паломником, иноком Парфением, наблюдавшим его в Афонском Русском Пантелеймоновом монастыре на праздник великомученика Пантелеимона. „Когда пели стихиры, пишет Парфений, тогда екклезиарх ходил по всей церкви и приглашал всех иеромонахов и иеродиаконов в алтарь. Тогда иеродиаконы по два выходили и становились среди церкви, творя два поклона в пояс, а третий земной, подходили к владыке с земным поклоном и брали от него благословение. Поклонившись, уходили в алтарь; за ними иеромонахи так же творили, и уходили облачаться. Когда же начали петь „и ныне" и богородичен, тогда вышли из алтаря наперед два екклизиарха в мантиях, несли по подсвечнику; за ними два диакона с кадилами; за ними два же диакона, один с кириями, а другой со свечою; за ними два диакона с рипидами; за ними один диакон нес великий запрестольный крест; прочие диаконы шли по-двое со свечами; за ними шли по-двое священники с опущенными вниз руками; за ними уже и игумен. Всех же вышло около ста человек, и сделали великое полукружие; а когда диаконы покадили иконы и владыку, и один из них возгласил „Премудрость, прости", тогда „Свете тихий" пели одни только священники и диаконы. Когда начали петь слова „пришедше на запад солнца", тогда игумен на правый и левый клиросы сотворил по малому поклону, и вошел в алтарь; священники по-двое такожде сотворили; диаконы в царских вратах кадили каждого, и допевали стих уже в алтаре"[144].

Подобное положение в монастырско-приходском чине вечерни сложилось с обрядом вечерней литии. Как уже сказано было, уставы константинопольского происхождения, напр. Студийско-Алексиевский и Евергетитский, не упоминают о литии даже при изложении служб великих праздников. Лития совершалась в лавре преп. Саввы, представляя собой исхождение к его гробу, и отсюда стала принадлежностью Иерусалимского устава. На всенощных бдениях она соединялась с обрядом благословения хлебов, предназначавшихся для подкрепления сил бодрствующих всю ночь монахов.

С широким распространением Иерусалимского устава в XII—XIV вв. во всей Греческой Церкви лития и хлебоблагословение вошли в богослужебную практику монастырей и храмов, где не совершалось подлинно целонощных всенощных бдений. Правда, что во время блаж. Симеона Солунского в некоторых храмах еще держались практики константинопольских уставов и служили вечерню отдельно от утрени, и поэтому литии не совершали. Но некоторые, которых он называет ревностными, не совершая бдения „по немощи", либо „по недостатку братии", все же делали литию, но без хлебоблагословения — „потому что хлебоблагословение было связано

---

[143] Ἱερατικόν, ed. cit., σελ. 9.
[144] Цит. труд, стр. 81—82.

исключительно с трудом бдения, чтобы братия, получив в труде и благословение Христово, и малое утешение, оставалась бы в молитвенном внимании к страшным тайнам причащения [145]. Торжественность, которую вносили в богослужение обряды литии и хлебоблагословения, привели практику Греческой Церкви уже после блаж. Симеона к тому, что, несмотря на утрату Иерусалимским уставом всякого практического значения (за исключением Афона) и забвение всенощных бдений, эти обряды продолжают существовать в ней, т. е. в Греческой Церкви, до настоящего времени. После просительной ектении и главопреклонной молитвы иерей и диакон выходят святыми вратами на средину храма, в то время как лики поют литийную стихиру праздника. По окончании пения диакон произносит прошения: 1) „Помилуй нас Боже...“ 2) „Еще молимся о благочестивых и православных христианах...“, 3) „Еще молимся об архиепископе нашем (имярек)“, 4) „Еще молимся о милости, жизни, мире, здравии, спасении, посещении, прощении и оставлении грехов рабов Божиих, совершающих святый праздник сей, и рабов Его (здесь поминаются поименно принесшие хлебы)...“, 5) „Еще молимся о еже сохранитися святому храму сему...“ На каждое из этих прошений лики поют по-трижды „Господи помилуй“, так что получается общее количество на каждое прошение 12. Затем следует прошение „Еще молимся и о еже услышати...“, на что оба хора отвечают совместным пением троекратного „Господи помилуй“. Архиерей или иерей возглашает „Аминь“ и читает молитву „Услыши ны Боже...“ Затем следует главопреклонная молитва „Владыко многомилостиве...“ После нее иерей, в преднесении диаконом свечи, кадит кругом стола с хлебом и поет „Богородице, Дево, радуйся...“ до слов „яко Спаса родила“. С этих слов тропарь доканчивает правый хор. Иерей берет в руку один из хлебов и, благословляя им другие хлебы, читает молитву: „Господи, Иисусе Христе, Боже наш, благословивый пять хлебов...“ Если в храме присутствует архиерей, то он выходит на литию в епитрахили и малом омофоре и читает упомянутые иерейские молитвы; он же благословляет хлебы. Архиерей или иерей, по прочтении молитвы хлебоблагословения, целует держимый в руке хлеб, полагает его на место и идет в алтарь. Священнослужители, идущие за ним в алтарь, поют стих из 33 псалма: „Богатии обнищаша и взалкаша...“ Тот же стих повторяется каждым из хоров. Затем следуют стиховные стихиры, „Ныне отпущаеши...“ и т. д. После пения тропаря и богородичного диакон возглашает: „Господу помолимся“, лик — „Господи помилуй“, архиерей же или иерей, встав во святых вратах и обратясь лицом к западу, благословляет народ со словами: „Благословение Господне и милость да приидет на вас, Его благодатию и человеколюбием всегда, ныне и присно и во веки веков“, лик — „Аминь“, иерей: „Слава Тебе, Христе Боже...“, чтец: „Слава и Ныне, Господи помилуй трижды, Владыко Святый благослови“. Далее следует отпуст [146].

*

* *

Русская Церковь на первых порах своего существования руководствовалась уставом Великой Константинопольской Церкви с его песненными последованиями [147], принесенными к нам первыми киевскими митрополитами и священниками — греками. Но чрез 74 года после крещения Руси преп. Феодосий Печерский ввел в своем монастыре Студийско-Алексиевский устав [148], который, как видно из Повести временных лет, скоро стал общерусским монастырским уставом [149]. Таким образом со второй половины

---

[145] Ed. cit., col. 620.

[146] Ἱερατικόν, σελ. 13—17.

[147] Прот. М. А. Лисицын, Первоначальный славяно-русский типикон. СПб., 1911, стр. 1, 17, 33 и др.

[148] Там же, стр. 350—356.

[149] „От того же манастыря переяша вси манастыреве устав...“ Повесть временных лет. Изд. АН СССР. Ч. I, 1950, стр. 107.

XI века в Русской Церкви действовали одновременно два устава, из которых в одном излагалось древнее соборно-приходское богослужение с его песненным последованием, в другом же сравнительно новое — монастырско-приходское, возникшее на основе слияния иноческого келейного правила с теми же песненными последованиями. Наконец, в XV веке появился Иерусалимский устав[150], в свою очередь подвергшийся известным изменениям в процессе широкого распространения его в Греческой Церкви в XII—XIV вв. Все это вместе взятое определило собой многообразие русской богослужебной практики, вызвало появление своих русских богослужебных порядков, которые существовали на Руси до конца XVII столения, когда в 1682 г. был издан типикон, устранявший все богослужебные особенности местного значения и унифицировавший богослужение применительно к современному ему греческому.

Оставляя в стороне особенности, принадлежащие согласно типикону Русской Церкви всенощному бдению (пение 103 псалма и каждение при этом храма и благословение хлебов), отмечу оригинальные русские черты, составлявшие принадлежность вечерни вообще.

Первую такую особенность составляло пение 1-й кафизмы „Блажен муж...“ Этот элемент иноческого богослужения, в истории вытеснивший первое трехпсалмие песненной вечерни, в Русской церкви подвергся своеобразной обработке, приблизившей его самого к этим антифонам. Как уже говорилось выше, греческие монастырские уставы предписывают пропевать постишно по крайней мере три первых псалма (см. выше).

В Русской церкви, под влиянием практики исполнения псалмов-антифонов на песненных последованиях, и „Блажен муж...“ исполняли певчески — все три славы, но пели псалмы не целиком, а лишь отдельные стихи из них, прилагая к каждому припев „Аллилуиа“. Ниже приводится эта кафизма, распетая песненно, как она изложена в древнерусских церковно-певческих сборниках (с сохранением транскрипции).

„БЛАЖЕН МУЖ, АЛЛИЛУИА[151].
ИЖЕ НЕ ИДЕ НА СОВЕТО НЕЧЕСТИВЫИХО.
прип. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа.
И ПУТЬ НЕЧЕСТИВЫХ ПОГИБНЕТ
прип. тонж.
НА ГОСПОДА И НА ХРИСТА ЕГО.
БЛАЖЕНИ ВСИ НАДЕЮЩЕСЯ НА НЕ.
ВОСКРЕСНИ ГОСПОДИ СПАСИ МЯ БОЖЕ МОЙ
И НА ЛЮДЕХ ТВОИХ БЛАГОСЛОВЕНИЕ ТВОЕ.
Слава Отцу и Сыну и Святому Духу
И ныне и присно и во веки векомо аминь.
Аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе Боже
Аллилуиа, аллилуиа, слава Тебе Боже.
Таж Господи помилуй 3-ж Слава по сем начинает левая страна слав 2-ю и ныне.
ВНЕГДА ВОЗЗВАХО УСЛЫШИ МЯ, БОЖЕ ПРАВДЫ МОЕЯ,
ВО СКОРБИ РАСПРОСТРАНИЛ МЯ ЕСИ УЩЕДРИ МЯ И
УСЛЫШИ МОЛИТВУ МОЮ.
И УВЕДИТЕ ЯКО УДИВИ ГОСПОДЬ ПРЕПОДОБНОГО СВОЕГО.
ГОСПОДЬ УСЛЫШИТ МЯ ВНЕГДА ВОЗЗОВУ К НЕМУ.
Слава.
ПОЖРИТЕ ЖЕРТВУ ПРАВДЕ И УПОВАЙТЕ НА ГОСПОДА
И ныне.
ЗНАМЕНАСЯ НА НАС СВЕТ ЛИЦА ТВОЕГО ГОСПОДИ
Аллилуиа.
ЯКО ТЫ ГОСПОДИ ЕДИНАГО НА УПОВАНИИ ВСЕЛИЛ МЯ ЕСИ
Аллилуиа.
ВОНМИ ГЛАС МОЛИТВЫ МОЕЯ ЦАРЮ МОЙ И БОЖЕ МОЙ
Аллилуиа.
И ПОХВАЛЯТСЯ О ТЕБЕ ЛЮБЯЩИЕ ИМЯ ТВОЕ.
Господи помилуй 3-ж. Слава. Посем начинает правая страна слав 3-ю и ныне.

---

[150] Н. М. Одинцов, Порядок общественного и частного богослужения в древней России до XVI века. СПб., 1881, стр. 181—182.

[151] Стихи псалма, в отличие от припевов, печатаются прописными буквами.

ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ НА ТЯ УПОВАХ СПАСИ МЯ
Левая страна тонж слав.
ГОСПОДИ СУДИТЬ ЛЮДИ МОЯ СУДИ МИ ГОСПОДИ ПО ПРАВДЕ МОЕЯ
И ныне.
ПОМОЩЬ МОЯ ОТ БОГА, СПАСАЮЩАГО ПРАВЫЯ СЕРДЦЕМЬ
Аллилуиа.
ИСПОВЕМСЯ ГОСПОДЕВИ ПО ПРАВДЕ ЕГО И ПОЮ ИМЕНИ ГОСПОДНЮ ВЫШНЕМУ.
Аллилуиа.
ГОСПОДИ ГОСПОДЬ НАШ ЯКО ЧЮДНО ИМЯ ТВОЕ ПО ВСЕЙ ЗЕМЛИ
Аллилуиа.
Тонж стих"[152].

Как видно, эта кафизма по образу ее исполнения не отличалась от псалмов-антифонов песненной вечерни. Все ее отличие состояло в том, что после „слав" ее не было малых ектений, как это полагалось на песненной вечерне после каждого псалма-антифона.

Точно таким же образом исполнялись и светильничные псалмы. Целиком их не пели, а исполняли антифонно с особыми припевами следующие стихи:

Правый хор

„ГОСПОДИ ВОЗЗВАХО К ТЕБЕ[153],
прип. Услыши ны Господи.
ЕГДА ВОЗЗОВУ К ТЕБЕ
прип. тонж.

Левый хор

Лев. крил. строк поем
ЖЕРТВА ВЕЧЕРНЯЯ
Прип. Услыши ны Господи.

Правый хор

НЕПЩЕВАТИ ВИНЫ О ГРЕСЕХ
НЕОТЫМИ ДУШУ МОЮ
ГЛАСОМ МОИМ КО ГОСПОДУ ПОМОЛЮСЯ
прир. Воззвах к тебе спаси мя.

Левый хор

ДА НЕ НАМАСТИТЬ ГЛАВЫ МОЕЯ
ДОНДЕЖЕ ПРЕЙДУ.
И ПЕЧАЛЬ МОЮ ПРЕД НИ ВОЗВЕЩУ.
прип. Воззвах к Тебе спаси мя.

Правый хор

И НЕСТЬ ВЗЫСКАЯЙ ДУШУ МОЮ
ИСПОВЕДАТИСЯ ИМЕНИ ТВОЕМУ.
ГОСПОДИ ГОСПОДИ УСЛЫШИ ГЛАС МОЙ.
прип. Христе Спасе помилуй нас.

Левый хор

ЧАСТЬ МОЯ ЕСИ НА ЗЕМЛИ ЖИВЫХ
ДОНДЕЖЕ ВОЗДАСИ МНЕ
ВНЕМЛЮЩЕ ГЛАС МОЛИТВЫ МОЕЯ
прип. Христе Спасе помилуй мя.

Правый хор

ЯКО ОТ ТЕБЕ ОЧИЩЕНИЕ ЕСТЬ
ДА УПОВАЕТЬ ИЗРАИЛЬ НА ГОСПОДА
ПОХВАЛИТЕ ЕГО ВСИ ЛЮДИЕ

Левый хор

лев. крил. строк поем 1
ВО СЛОВО ТВОЕ УПОВА ДУША МОЯ НА ГОСПОДА
ОТ ВСЕХ БЕЗЗАКОНИЙ ЕГО
И ИСТИНА ГОСПОДНЯ ПРЕБЫВАЕТ ВО ВЕКИ"[154].

---

[152] Рукопись Лен. гос. публ. библ. XVII в. шифр Кир.: № 577, л. 288—291; № 580, л. 174 об.; 178 об.; № 587, л. 112—115 об.

[153] В целях большей ясности стихи псалма, в отличие от припевов, печатаются прописными буквами.

[154] Рукопись Лен. Гос. публ. библ. Кир. № 577, XVII в., л. 291 об. — 292 об.

Как видно из приведенного текста светильничных псалмов, хоры, чередуясь между собой, пели не полные стихи того или иного псалма, а отдельные фразы из них, которые, будучи изъяты из контекста псалма, иногда оказывались лишенными смысла, напр. „жертва вечерняя“ или „дондеже прейду“. В этом было непосредственное подражание тем начальным фразам вроде „И спах. Слава Тебе Боже“, которыми когда-то доместики начинали пение того или иного псалма-антифона на песненных последованиях. При таком исполнении псалмов молитвенное внимание присутствующих за богослужением сосредоточивалось на умилительных припевах: „Услыши ны Господи“, „Воззвах к Тебе, спаси мя“ и „Христе Спасе, помилуй нас“, которые прилагались к той или иной фразе псалма. К последним шести фразам припев не прилагался, так как они соединялись со стихирами.

Во время пения светильничных псалмов совершалось каждение. Последнее, как известно, существовало издревле в песненной вечерне и совершалось диаконом. Но когда в Русской Церкви появился Иерусалимский устав с чином всенощного бдения, где указывалось совершать каждение храма до начала бдения иерею в преднесении параекклисиархом свечи, то стали и каждение на „Господи воззвах...“ совершать по примеру бденного. Этот порядок сначала подтверждался указаниями в печатных служебниках [155], а затем получил узаконение в типиконе — „Егда же начнут пети Господи воззвах, паки кадит иерей иконы и настоятеля и оба лика и всю братию, диакон же ходит пред ним со свещею“ [156].

Русская Церковь, как и Греческая, унаследовала от песненной вечерни обычай совершения входа на великой вечерне соборне, но, вместе с тем, внесла в этот обряд нечто свое, русское. В Русской Церкви вечерний вход соборне совершался непременно не только на праздники, но и накануне воскресных дней. Местом его совершения был соборный храм данного города, и к участию в нем обязаны были не только все городские священнослужители, но и так называемые „прибылые попы“, т. е. священники, прибывшие в данный город по каким-либо делам с периферии и задержавшиеся в нем в предпраздничный вечер. Священники городских храмов должны были совершить у себя в церкви вечерню несколько раньше, чем это происходило в соборном храме, и явиться в последний к пению светильничных псалмов.

Этот обычай будет понятен в свете того значения, какое имел соборный храм в истории древнерусского города. В соборном храме совершались все важнейшие в истории того или иного княжества церковные акты: интронизация епископа, церковный обряд „посажения“ князя на княжение, соборы, т. е. собрания клира по вопросам вероучения и церковной дисциплины. При соборах главным образом была сконцентрирована деятельность Церкви в области духовного просвещения народа; соборы являлись школами церковного пения. Таким образом собор был центром духовной жизни не только города, но и прилегающей к нему периферии княжества или области.

Между соборным храмом и приходскими церквами города существовал постоянный духовный и церковно-административный контакт, а еженедельное участие городского духовенства в совершении вечернего входа в соборе служило очевидным выражением этого контакта. Поэтому, когда в царствование Ивана Грозного Новгород лишился последних прав своей политической самостоятельности, и на этой почве, по-видимому, у некоторых из новгородского духовенства появилась мысль о возможности отмены соборных входов, то митрополит московский Макарий в 1551 году писал новгородскому архиепископу Серапиону: „а на выход священникам и вперед ходити по старине, а которой священник на выход не приидеть, и на том имети

---

[155] Напр., 1602 г., л. 7 об.; 1627 г., л. 7 об.; 1630 г., л. 7 об.; 1640 г., л. 7 об.
[156] Устав изд. 1641 г., л. 21 об.

заповеди по гривне по новгородцкой. А скажет которой поп, на выход не поспел боля для или родильницы, или которые иные для нужи. Ино про него послать в улицу обыскать в его приходе людми добрыми. И обыщут про него, что он на выходе не был для нужи, и на тех священникех заповеди не имети, а которой солжет священник, прихожане по нем в обыску не молвят: и на том священнике заповедь имети по старине по гривне да хоженое"[157] (т. е. судебные издержки. — *Н. У.*).

Обряд соборнего совершения вечернего входа составлял общерусское, а не какое-либо местное явление. Его наблюдал в XVII веке спутник патриарха антиохийского Макария, диакон Павел из Алеппо, в московских храмах [158], в Киево-Печерском монастыре [159], в Густино-Троицком [160] и в Московском Новодевичьем монастыре [161]. В Москве, где все множество ее храмов административно делилось на „сóроки" и у каждого „сóрока" был свой собор, духовенство каждого „сóрока" собиралось на вход в свой собор, во входах же Успенского собора, главного храма столицы, участвовали „власти", т. е. духовные лица, занимавшие в Москве высокое положение— епископы, архимандриты, игумены, протоиереи и „поповские старосты" — должностные лица, близкие современным благочинным, а также причт этого собора[162].

Особенность русского вечернего входа составляло еще то, что шествие духовенства из алтаря на средину храма в преднесении светильников совершалось северной дверью при закрытых св. вратах. Когда диакон, придя на средину храма и совершив каждение св. врат и стоящих по сторонам их икон, а также священнослужителей, испрашивал у предстоятеля благословения „Благослови владыко святый вход", то пономари толчком подсвечников открывали св. врата[163]. На первый взгляд это — мелкая деталь входа, но она была отголоском очень существенного момента древнепесненной вечерни. Последняя, как известно, начиналась на средине храма, и в алтарь никто из клира до вечернего входа не входил. Этот древний обычай, который был известен нашим предкам, когда-то совершавшим песненную вечерню, с распространением у нас на Руси нового монастырско-приходского чина вечерни, не был забыт. Вечерню начинали в алтаре, а св. врата открывали извне во время самого входа.

Надо заметить, что этой детали вечернего входа придавали важное значение, так что и после богослужебной реформы патриарха Никона и издания типикона 1682 года она соблюдалась в отдельных местах, и в чиновнике Холмогорского Преображенского собора, составленном в 1715 году, имеется категорическое указание: „На и ныне вход творят, дверей царских не отворяют"[164].

После того, как были открыты св. врата, диакон кадил их, возглашая „Премудрость, прости" [165], и запевал „Свете тихий..." Певцы же продолжали гимн со слов „святыя славы..."[166]. В видах создания большей торжественности входа гимн исполнялся на все восемь гласов, а именно:

---

[157] Грамота митр. Макария архиепископу новгородскому Серапиону (Стоглав, изд. третье. Казань, 1912, стр. 196).

[158] Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию. Вып. II. М., 1897, стр. 162.

[159] Там же, стр. 60.

[160] Там же, стр. 90.

[161] Там же, вып. IV. М., 1899, стр. 49.

[162] Проф. А. П. Голубцов. Чиновники Московского Успенского собора. М., 1908, стр. 141.

[163] Он же. Чиновник Холмогорского Преображенского собора. М., 1903, стр. 8.

[164] Там же, стр. 196.

[165] Современное начертание диаконом образа креста при произношении „Премудрость, прости" возникло в результате этого каждения, совершавшегося, как вообще в древности кадили, крестообразно.

[166] „И паки кадит царские двери глаголя „Премудрость, прости. Свете тихий. И мы поем Святыя славы бессмертного Отца". (Устав изд. 1641 г., л. 22).

на 1 гл.— Святыя славы бессмертного Отца Небесного
на 2 гл.— Святаго блаженнаго Иисуса Христа, Сына Божия
на 3 гл.— пришедшу солнцу на запад
на 4 гл.— видевше свет вечерний
на 5 гл.— Поем Отца и Сына и Святаго Духа Бога
на 6 гл.— Достойно есть на вся времена пети Тя гласы преподобными
на 7 гл.— Сыне Божий
на 8 гл.— Живот даяй всему миру, его же ради весь мир славит Тя.

Так изложен осмогласно этот гимн в крюковом ирмологии Лен. гос. публ. библ. шифр Кир. № 577, XVII в. [167]. Такая частая смена гласов в свете современного понятия о них, как многократном повторении двух-трех однообразных мелодических строк, как это сделано в обиходах издававшихся в XIX веке Петербургской придворной капеллой, может показаться не только немузыкальной, но и вообще неудобоисполнимой. Но нужно учитывать, что в то время, когда „Свете тихий" исполнялось на все восемь гласов, под гласом подразумевалась совокупность мотивов-попевок различной величины и интонационнного характера. Один церковно-певческий сборник XVII в., когда-то принадлежавший Соловецкому монастырю, указывает для 1-го гласа 217 попевок, для 2-го — 280, для 3-го — 153, для 4-го — 254, для 5-го — 154, для 6-го — 172, для 7-го — 102 и для 8-го — 347, а всего для восьми гласов 1680[168]. В свете этого можно представить, как могло быть разнообразно и музыкально содержательно „Свете тихий...", поемое на восемь гласов.

Чтение паремий в Русской Церкви, когда таковые полагались на великой вечерне, также имело ряд оригинальных особенностей. Если паремии читались из ветхозаветных книг, то в это время полагалось сидеть, чтение же из новозаветных книг выслушивалось стоя. В местных монастырских уставах, называемых обиходниками, в первом случае давалось указание: „На вечерне праздника скамью ставят правого крылоса по обычаю для игумена и священников на паремиах седети"[169]. Во втором случае говорилось: „На паремиах не седим" [170]. Некоторые уставы, кроме того, указывают при чтении новозаветных книг оставлять св. врата открытыми — „а дверей царских не затворяют" [171]. Самые паремии в отдельных случаях полагались не из библейских книг, а из русских летописей. Так, в дни памяти князей-мучеников Бориса и Глеба 2 мая и 24 июля читались паремии: 1) „Братие, в бедах пособивый", 2) „Слышав Ярослав..." и 3) „Стенам Твоим Вышеград..." [172]. Отдельные уставы указывают те же паремии на день благов. князя Владимира — 15 июля [173].

Согласно сообщению блаж. Симеона Солунского, в его время праздничная песненная вечерня заканчивалась исхождением за амвон. В Русской Церкви это исхождение получило своеобразный вид молебна с освящением колива в память празднуемого святого. Этот молебен сохранился и в тех храмах, которые приняли к руководству монастырский Студийско-Алексиевский устав.

---

[167] Л. 302 об. и 303.
[168] Рукопись Лен. гос. публ. библ. Сол. № 70/752.
[169] Напр., рукопись Лен. гос. публ. библ. XVII в. Кир. № 730, л. 27; № 731, л. 90 и № 737, л. 9.
[170] Напр., рукопись Лен. гос. публ. библ. XVII в. Кир. № 730, л. 25; № 733, л. 61, 78 об., № 734, л. 10 об.; 13 об., 26 об.
[171] Напр., рукопись Лен. гос. публ. библ. XVII в. Кир. № 733, л. 12; № 737, л. 203, 206 и об.; № 735, л. 24.
[172] Описание славянских рукописей Моск. Син. библ. Отдел третий, часть вторая. М., 1917, стр. 120—121 (рукопись № 467, 1570 г.); стр. 129 (рукопись № 473—XVI в.); стр. 189 и 192 (рукопись № 485, XVI в.); стр. 204 (рукопись № 486, XVI в.); стр. 238 (рукопись № 492, XVI в.).
[173] Проф. А. А. Дмитриевский, Богослужение в Русской Церкви в XVI веке. Казань, 1884, стр. 185.

На средине храма рядом с иконой праздника поставлялся стол и на нем чаша с „заздравной“ кутьей, и сосуд с „кануном“. Кутья делалась из вареных зерен с „ягодой и с сахаром“, а „канун“ представлял собой медовый напиток[174]. „В средине кутьи и кануна“ горела свеча [175]. По отпусте вечерни священнослужители выходили к иконе праздника и служили молебен с каноном празднику. В конце молебна священник кадил стол со стоящей на нем чашей и делал возглас: „Благословен Бог наш...“ После этого пели тропарь, „Слава и Ныне“, кондак празднику, дважды „Господи, помилуй“ и „Благослови“. Иерей читал молитву „Иже вся совершая словом своим, Господи...“[176]. Затем прибавлялась вторая молитва, не сохранившаяся в современных богослужебных книгах: „Господи Вседержителю, сотворивый и небо, и землю, и море, и вся, яже в них, благословивый пять хлеб и пять тысящ народа насытив, сам благослови плоды сия и сподоби нас вкусити от них на здравие и спасение душам и телом и принесшим мзду небесную подай, молитвами... его же память сотвори, яко Ты еси благословляя и святя всяческая Христе Боже наш, и Тебе славу воссылаем со безначальным Ти Отцом и с пресвятым благим и животворящим Ти Духом ныне и присно и во веки веком“[177].

По окончании молебна священнослужители шли в алтарь, снимали с себя облачение, затем выходили на средину церкви и вкушали здесь от кутьи и кануна.

В современном типиконе Русской Церкви излагается еще чин малой вечерни (гл. 1-я). Надо заметить, что в типиконе Великой Христовой церкви, которым руководствуется Греческая Церковь, этого чина нет. Греки называют малой вечерней (ὁ μικρὸς ἑσπερινός) вседневную в отличие от великой.

Наша малая вечерня отличается как от великой, так и от вседневной предельной краткостью чинопоследования. Это сокращение ее достигнуто посредством исключения из богослужения ектений. Только в самом конце службы произносится сугубая ектения, и то сокращенная, из четырех прошений. Кроме того, в чине отсутствует кафизма и на „Господи воззвах...“ полагается только четыре стихиры.

Малая вечерня — это богослужение сравнительно позднего происхождения. Она появилась не ранее XII века и встречается только в списках Иерусалимского устава. Некоторые списки этого устава, относящиеся к XII—XIII вв., еще не имеют малой вечерни [178]. Для малой вечерни характерна связь ее с чином всенощного бдения. Устав указывает совершение ее только в те дни, когда полагается всенощное бдение, и так, что эта вечерня предваряет собой последнее[179]. Поэтому в типиконе она всегда излагается перед чином всенощного бдения, так что и в этом смысле ее можно назвать постоянным спутником всенощного бдения. Другая характерная особенность чина — это связь его с вечерней трапезой. И малая вечерня, и чин вечерней трапезы излагаются в одной и той же главе типикона. Типикон вполне ясно подчеркивает эту связь, когда говорит о пище вечерней трапезы: „И вкушаем представленная нам полéгку, да не отягчимся на бдение“.

Принадлежность малой вечерни только Иерусалимскому уставу эпохи повсеместного распространения его в Греческой Церкви и связь этого чина с

---

[174] Проф. А. П. Голубцов, Чиновник Новгородского собора. М., 1899, стр. 140.

[175] Там же, стр. 139.

[176] Та же, что в современном служебнике в чине благословения колива.

[177] Проф. А. П. Голубцов, Чиновник Новгородского собора, стр. 140.

[178] См., напр., рукопись Синайск. библ. № 1094, XII в. и № 1096, XII—XIII вв. — проф. А. А. Дмитриевский, Τυπικά, ч. II, стр. 1 и 20

[179] Исключение составляет всенощное бдение, начинающееся великим повечерием, совершаемое на праздники Рождества Христова, Богоявления и Благовещения, когда малая вечерня не полагается.

всенощным бдением и вечерней трапезой подсказывают причину возникновения этого чинопоследования и его назначение.

Положенное по Иерусалимскому уставу на воскресный день и великие праздники всенощное бдение в Палестине начиналось вскоре после захода солнца (μετὰ τὸ δῦναι τὸν ἥλιον μικρόν) и заканчивалось утром с восходом солнца (ἡλίου, ἀνίσχοντος γίνηται ἡ ἀπόλυσις). Такое время для начала и окончания всенощного бдения указывают списки Иерусалимского устава эпохи местного палестинского его значения [180]. С распространением Иерусалимского устава во всей Греческой Церкви, когда им стали руководствоваться не только монастыри, но и приходские храмы, подлинно всенощные бдения стали нереальными. Чтобы закончить бдение „солнцу восходящу", его стали сокращать во времени и начинать много позднее захода солнца. Но это обстоятельство приводило к ненормальному, с точки зрения церковных установлений, положению, когда вечернее время накануне воскресных и праздничных дней, из-за позднего начала всенощного бдения, вопреки древнехристианской традиции, оказывалось неосвященным молитвой. Эта ненормальность положения тем более была ощутима в монастырях, где монахи, вместо того, чтобы принимать вечернюю трапезу после богослужения, как это было до принятия Иерусалимского устава, принимали таковую до службы и обычное для вечерни время должны были проводить в трапезной. Желание освятить вечерний час молитвой и принять пищу после этой молитвы вызвало появление малой вечерни. Поэтому-то последняя положена уставом только на те дни, на которые совершается всенощное бдение, и излагается в типиконе в тесной связи с чином вечерней трапезы.

*

* *

Несколько слов о толковании вечерни. Вечерня не была предметом толкования восточных писателей литургистов до блаж. Симеона Солунского. Он первый дает объяснение предначинательного псалма, великой ектении, кафизмы „Блажен муж...", вечернего входа, прокимна, последующих за ним ектений, литии и хлебоблагословения. В методе своего толкования блаж. Симеон отдает большую дань его времени в смысле насыщения этого толкования символикой, так что не только отдельные песнопения и обряды, но даже движения иерея, его одежды в глазах истолкователя представляются исполненными особого, проникновенного смысла. „И исхождением сим, и преклонением главы, и поднятием ее, и возглашением: премудрость, прости, и крестообразным каждением, и возвышением евангелия (если это вход с евангелием) и восхождением к престолу, — всем этим являет он (т. е. иерей. — *Н.У.*) дела домостроительства: выходом его (из алтаря.— *Н. У.*) и нисшествием (на средину храма. — *Н. У.*) знаменуется сошествие Христа и уничижение, священническою его одеждой — воплощение, стоянием на средине (храма.—*Н. У.*) с преклоненной головой—пригвождение за нас посреди земли и смерть, и сошествие во ад Спасителя", пишет блаж. Симеон по поводу вечернего входа [181]. Тем не менее толкование блаж.Симеона концентрируется около пришедшего в мир Христа Спасителя, как бы присутствующего с молящимися во образе совершающего вечерню иерея. С этой стороны это толкование приближается к идейному пониманию вечернего богослужения в Древней Церкви и может быть названо откликом на слова священномученика Киприана Карфагенского, писавшего о вечерней молитве: „Нам должно молиться при захождении солнца и при оконча-

---

[180] См. указанные выше списки устава из Синайской библ. у проф. А. А. Дмитриевского, Τυπικά, ч. II, стр. 1 и 25.

[181] Ed. cit., col. 605, 608. Цитирую по русскому переводу в „Писаниях св. отцов и учителей Церкви, относящихся к истолкованию православного богослужения", т. II. СПб., 1857, стр. 455.

нии дня; ибо Иисус Христос есть истинное солнце и истинный день. Посему, молясь при захождении солнца и окончании дня и прося, чтобы снова воссиял нам свет, мы тем самым молимся о пришествии Христовом, чтобы оно принесло нам благодать света вечного... Хотя по закону природы день сменяется ночью, однакож для молящихся не может быть никакого препятствия и от ночного мрака, потому что для сынов света и ночи есть дни. Ибо когда бывает без света тот, у кого свет в сердце? Или каким образом нет солнца и дня у того, для кого солнце и день — Христос?" [182].

В русском литургическом богословии толкование вечерни появляется только в XIX в. в труде преосвященного архиепископа нижегородского и арзамасского Вениамина—„Новая скрижаль"[183]. Преосвященный Вениамин в своем толковании хорошо использовал мысли блаж. Симеона. Вместе с тем он внес нечто новое, свое. Слова 103 псалма, прославляющие величие Божие, как Творца мира, и каждение храма, в практике совершаемое на всенощном бдении при пении этого псалма, дали ему основание толковать этот момент богослужения как „изображающий все смотрение Господне, т. е. сотворение всего мира" [184]. Отсюда по ассоциации мысли о последующих библейских повествованиях, где говорится о грехопадении прародителей и изгнании их из рая, архиепископ Вениамин истолковал закрытие св. врат после каждения как обозначающее, что „вскоре по сотворении мира райские двери затворились Адамовым преступлением" [185]. Говоря далее о пении светильничных псалмов, архиепископ Вениамин развивает приведенные выше мысли. „В сих псалмах, говорит он, изображаются все те моления и воззвания, которые Адам в бедственном своем состоянии некогда возносил из глубины души своей"[186].

Вторым русским толкователем вечерни был прот. Г. С. Дебольский. Последний собственно не дал какого-либо нового толкования, но развил мысли архиепископа Вениамина, сократив в то же время до минимума использованное последним толкование блаж. Симеона. „Вечерня, говорит прот. Г. С. Дебольский, вкратце изображает судьбы мира, — Богом созданного и спасаемого, — сотворение, грехопадение и искупление мира"[187]. Повторив сказанное преосвященным Вениамином о том, что исполнение 103 псалма знаменует сотворение мира, а кадильный дым — Духа Божия, носящегося во время мироздания „верху воды" и закрытие св. врат — изгнание Адама из рая, он далее объясняет пение светильничных псалмов и стихир при них как „изображающих состояние грешника, молящегося и исповедующего грехи свои Богу"[188]. Вечерний вход и гимн „Свете тихий..." в толковании прот. Г. С. Дебольского уже не напоминает о духовном сопребывании Христа с присутствующими в храме, как это понималось в Древней Церкви, а только „изображает", что „обетование искупления исполнилось воплощением Сына Божия"[189].

Последующий толкователь — прот. К. Никольский, приняв в целом концепцию толкования своих предшественников, в большей мере, чем они, распространил символику с элементов богослужения — псалмов и прочих песнопений на самих совершителей вечерни. Так, по его объяснению: иерей „стоит пред затворенными царскими вратами и тайно читает светильничные молитвы, изображая Адама, кающегося пред вратами рая"[190]. Централь-

---

[182] Divi Cypriani Liber de oratione dominica. M i g n e, P. Lat., t. 4, col. 542.
[183] Первое издание вышло в Москве в 1803 г.
[184] Новая скрижаль, изд. 17-е. СПб., 1908, стр. 89.
[185] Т а м ж е.
[186] Цит. труд, стр. 94.
[187] Попечение Православной Церкви о спасении мира. Изд. 4-е. СПб., 1894, стр. 159.
[188] Цит. труд, стр. 159.
[189] Т а м ж е, стр. 160.
[190] Пособие к изучению устава богослужения Православной Церкви. Изд. 7-е, СПб., 1907, стр. 179—180.

ный пункт вечернего богослужения — вход — в толковании прот. Никольского также представляется действом, в котором иерей изображает Иисуса Христа, а диакон — Иоанна Предтечу. „Из алтаря, — говорит о. К. Никольский, — как с неба идет, в образ Господа, священник прост (прямо, не согнувшись), имея фелонь опущенную для изображения смирения и величия. Пред ним идет, как бы Предтеча, диакон, держащий в руке кадильницу. Кадильница с фимиамом изображает, что чрез ходатайство Господа наши молитвы, как фимиам, возносятся к Господу, — и Святой Дух присутствует в храме. Диакону предшествуют два светильника, означающие собой духовный свет, принесенный Господом на землю“[191].

Недостатком всех указанных толкований является то, что они не говорят о древнехристианской традиции светильничного благодарения и о связанной с этой традицией верой в сопребывание Иисуса Христа с собравшимися во имя Его, на основе которых возникла вечерня. Между тем сама Православная Церковь хранит следы этой священной традиции. До сих пор в ней существует древнее название вечерни — „светильничное“, до сих пор совершается изнесение из алтаря светильника, и слова типикона „И мы поем: Свете тихий святыя славы. Чтецы же, вземше лампады, предходят даже до святых дверей... Священник же, поклонився пред святыми дверьми и целовав я, входит...“ — излагают самый обряд светильничного благодарения (см. гл. 2)[192]. В типиконе же есть указание — зажигать светильники в начале вечерни только перед иконами Спасителя и Богородицы, что в иконостасе, над св. вратами и у иконы празднуемого святого, а при пении собственно светильничного псалма — „Господи воззвах“ — „вжигати и прочия свещи“ (гл. 24). Зажигание на вечерне светильников в два приема и приурочивание второго из них к пению светильничного псалма — это тоже след древней традиции светильничного благодарения.

Поэтому было бы желательно, чтобы толкователи вечерни стояли ближе к пониманию ее значения в древней Церкви и брали бы пример у того же блаж. Симеона Солунского, который все совершающееся на ней относил не к „сени законной“, а к „благодати пришедшей“, видел в вечернем входе „бывшее в последок веков сошествие Бога“[193] и говорил, что псалом „Блажен муж“ „относится преимущественно к Господу, ибо вочеловечившееся Слово Божие Само было поистине единым блаженным мужем и не сотворило греха; Оно есть древо жизни и дало много плодов — нас, уверовавших в Него; Оно живет, не увядая, как бессмертное; Оно не отвергает нас, как имеющее вечно зеленеющий лист и плод, но развеет, как прах, нечестивых и демонов“[194]. Толкование, исполненное глубокой богословской мысли и теплой веры!

Н. Д. Успенский,
проф. Лен. дух. академии

---

[191] Там же, стр. 209.

[192] В практике некоторые иереи, входя святыми вратами в алтарь, благословляют свещеносцев и последние уносят свечу, так что пение „Свете тихий...“ происходит при отсутствии светильника. Но типикон ничего не говорит о благословении свещеносца. По смыслу слов его светильник должен гореть перед св. вратами в течение пения всего вечернего гимна и, очевидно, может быть унесен после общего преподания мира — „Мир всем“.

[193] Migne P. Gr., t. 155, col. 608.

[194] Там же, col. 597.